

ТАТЬЯНА МИХАЛЬ

ЖОЗЯЙСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ГРАФИНИ РЕТЕЛЬ-БОР,
ИЛИ НЕПРОСТО ГРАФСТВОМ УПРАВЛЯТЬ

Татьяна Михаль

**Хозяйственная история
графини Ретель-Бор, или
Непросто графством управлять**

«Татьяна Михаль»

2021

Михаль Т.

Хозяйственная история графини Ретель-Бор, или Непросто графством управлять / Т. Михаль — «Татьяна Михаль», 2021

Попала в другой мир, и ты графиня? Прекрасно. Но что если всё не так радужно? Графство бедствует. Муж пропал без вести. На тебя смотрят сочувственно, ведь ты – женщина. Ты в Средневековье, и женщина здесь считается и не человеком вовсе. Но кто сказал, что это обо мне? Засучу рукава и подниму графство с колен. Найду золото и отыщу пропавшего мужа.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	41
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Татьяна Михаль

Хозяйственная история графини Ретель-Бор

Глава 1

* * *

Верите ли вы в перерождение душ?

Говорят, когда тело умирает, душа отправляется в дальнейший путь – выбирает себе очередную жизнь, благодаря которой будет проходить уроки и повышать свои вибрации.

Также говорят, если душа отчаянно цепляется за жизнь, то тогда она может переселиться в тело другого человека, который не хотел жить и освободил своё тело, словно сосуд для другой души.

* * *

Изабель Ретель-Бор

Солёный запах моря... Шелест и шипение волн... Холодная вода и зернистый песок под пальцами.

Определённо я нахожусь не в больничной палате. Не забивает дыхание въедливый запах лекарств и сам воздух не привычно удушливый, а свежий и холодный.

Холод...

Действительно очень холодно.

Титаническим усилием воли открываю глаза, моргаю и жмурюсь. В глаза светит яркое солнце, вызывая в глазах резь и слёзы.

«Боже... Что со мной произошло?...» – судорогой возникает в голове первая мысль.

Отодрав себя от земли, встаю на колени и руки. От этих движений дикая боль взрывает голову. Лихорадочный пульс отбивает, будто набатом невыносимо громкие удары в висках. Усилие, которое понадобилось, чтобы мне поднять голову, похоже на попытку выбраться из ванны с застывшим цементом.

Перед глазами всё плывёт, картинка размыта, но я отчётливо понимаю, что нахожусь на песчаном морском берегу.

На мне длинное тёмное платье – промокшее, от этого неприятно тяжёлое. Оно затрудняет, итак, едва дающиеся мне элементарные движения.

Очень холодно. Так холодно, что зуб на зуб не попадает. И самое печальное у меня абсолютно нет сил двигаться...

Двигаться?

– Ноги... Мои ноги... – шепчу не своим голосом.

Забываю о всякой боли и двигаю ногой – сначала правой, потом левой.

– Боже... Боже... Боже... – говорю, не веря происходящему и слизываю с губ морскую соль.

То, что я уже не я, понимаю окончательно.

На Земле меня с рождения сопровождал врождённый недуг – я не могла ходить. Вся моя жизнь прошла в инвалидной коляске.

А теперь у меня есть второй шанс! Шанс жить полноценной жизнью!

Забываю о боли и холоде, роняю большую голову на руки, продолжая стоять на коленях и навзрыд плачу, смешивая горячую влагу своих солёных слёз с морской водой.

Не знаю, где я нахожусь – в другом времени или же другом мире, но знаю точно – кто-то там наверху позволил мне прожить жизнь заново. Мне дали второй шанс и я ни за что этот шанс не упущу.

Собираю в руки мокрый песок и сжимаю кулаки.

Пусть будет другой мир, другое время – но отныне это теперь моя жизнь.

Только бы подняться на ноги и понять, почему я в воде.

Вдруг, издали слышу встревоженные крики. Сначала мне трудно разобрать слова, но вскоре до меня доносятся обрывки фраз.

– ...бросилась со скалы!..

– ...вон она!..

– ...вижу её!..

– Графиня жива!

Довольно скоро меня начали окружать незнакомые люди с причитаниями:

– Что же вы это, графинюшка? Зачем решили убить-то себя? А мы как же без вас-то?

– Грех это. Большой грех.

– Да замолчите вы! Не видите что ль, у графини голова вся в крови. Целителя зовите!

Да поскорее!

– Как только выжила-то?

– Видать, не время помирать...

– Какое там время, не время? Графиню сам Инмарий¹ уберёт. Смотрите, сколько крови-то, ох, Бог милостивый.

Судя по одежде хлопочущих вокруг меня людей – я оказалась в средневековье.

Издаю мысленный стон, но тут же одёргиваю себя. Я здорова. Могу ходить.

И кажется, я – графиня.

Одна из женщин набрасывает на меня шерстяной плед. С удовольствием заворачиваюсь в него и предпринимаю попытку подняться самостоятельно, но головокружение и сильная тошнота не позволяют мне этой роскоши.

– Сейчас, графинюшка... Сейчас...

Один из мужчин – самый крупный и здоровый как медведь, осторожно поднимает меня на руки и все тут же шустро направляются наверх по узкой тропе.

Только сейчас вижу, что находилась я у подножия серо-чёрных острых, грозных и злых скал.

«Глупая графиня. Зачем понадобилось себя убивать? Я не умела ходить, но всё равно стремилась жить. У меня не было богатств, и выросла в детском доме, я не знала материнской любви и нежности, но я всё равно любила жизнь. Но как бы там ни было, надеюсь, ты нашла тот покой, к которому стремилась, раз решила свести счёты с жизнью».

– Целитель скоро будет. Только держитесь графиня. Ох, горе-то какое... – приговаривает и вздыхает женщина, утирает слезящиеся глаза грязным передником.

– Да хватит тебе завывать, Элен, – останавливает её причитания мужчина, что несёт меня на могучих руках. – Не видишь что ль, жива графиня наша. Жива.

– Не о том я судачу! Граф наш сгинул в проклятой войне. Дитя графинюшка не выносила. Голод наших деток морит. Тут любая со скалы бросилась бы!

¹ **Инмарий** – Всевышний Бог (прим. Автора) **Тинарий** – Падший Бог (прим. Автора)

– А ну умолкни, дура! – шикает на неё мужчина.

А я молчу и слушаю. Молчу больше от того, что жутко болит голова, да тошнит так, кажется, вот-вот и меня вывернет наизнанку. И перед глазами периодически темнеет.

На лицо признаки классического сотрясения мозга.

«Значит, я – вдова. Потеряла ребёнка. И графство настиг голод. А война? Она ещё идёт или уже закончилась?»

Вопросы, вопросы, вопросы. Одни вопросы.

Но ничего, я разберусь.

Уже в полузабытьё я слышу удаляющиеся разговоры слуг, чувствую, как с меня снимают мокрое платье, обтирают насухо и укрывают во что-то тёплое, но колючее и дурнопахнущее.

Но сил возмущаться и спорить нет.

Ощущаю, как мне в рот вливают нечто горячее и горькое.

Очевидно, это лекарство.

Послушно выпиваю и постепенно, боль уходит, тело согревается и мне становится хорошо.

Я засыпаю, и мне снится странный сон.

* * *

Отныне, меня зовут Изабель Ретель-Бор. Я – графиня.

Странное, однако, имя – мягкое и одновременно резкое за счёт этого «Ретель-Бор».

Граф и мой муж Астер Ретель-Бор и правда, считается погибшим, но свидетельства о его смерти нет.

Война, длившаяся по меркам этого мира недолго – три года завершилась смертью короля Ричарда Седьмого Кровавого, прославившегося своим вспыльчивым и неудержимым нравом, по поводу и без, объявляя войну каждому государству.

Умер король в возрасте ста двадцати лет.

Долгожитель, однако.

Его сын – новый король Роланд Первый оказался отдушиной для своего королевства. Поступил он мудро, завершив никому ненужную войну политическим браком своей младшей сестры Селесты и брата короля воюющего с нами государства.

Война закончилась полгода назад, но её облик до сих пор бродит среди людей в виде голода; не вернувшихся с войны мужей, сыновей, братьев; она глядит на всех из потускневших глаз калек, которые теперь никому не нужны; смотрит глазами страдающих детей, оставшихся без родителей; страшная нищета и прочие ужасы, что сопровождают суку-войну охватили всё королевство и моё графство, в том числе.

Графство Ретель-Бор большое. Скалистые горы, болота, морской залив, поля и леса и несколько деревень входят в него. Но находится оно в самом настоящем захолустье или проще сказать, Богом забытом месте.

До графства военные действия так и не докатились. Слава Богу! Но пострадало оно не меньше.

Изабель...

Изабель была девушкой благородной, но из обедневшего рода. Взял её в жёны Астер – мужчина характером спокойный и немногословный. Он верный слуга своего королевства. Могучий суровый воин.

Любила ли его Изабель мне сложно сказать. Скорее всего, она не любила никого, кроме Бога Инмария. Воспитали её в духе своего времени – родители сделали из дочери набожную, кроткую, незаметную и крайне скучную девушку.

Она не интересовалась ничем, кроме молитв, которые возносила Инмарию с утра до ночи. Только прок в этом какой?

Хорошо, что хоть писать, читать и считать умела, да вышивать гладью, а то уж совсем грусть-печаль была бы.

Моя бунтарская и жизнелюбивая натура не понимает такого поведения. В силу своего характера, который закалился недугом, детдомовской жизнью, я стремилась познать весь окружающий мир. На протяжении всей своей недолгой тридцатилетней жизни я училась. Моё неуёмное любопытство не позволяло мне остановиться, лениться и опускать руки.

Любой мир прекрасен.

И этот, я уверена, тоже.

Арлия – так называется мой новый мир. Королевство – Эндарра.

Что ж, приятно познакомиться. Я – Изабель Ретель-Бор. Графиня.

* * *

Разговор Высших сил

– Брат, ты совершаешь ошибку. ОН не одобрит наше вмешательство в ЕГО творения.

– Отнюдь, ОН будет благодарен, что душа, наконец, на своём месте.

– Но здесь другая эпоха, другой виток истории! Разве можно в таком случае оставлять воспоминания? Сотри её память, брат.

– Поверь, в этом случае, даже необходимо, чтобы душа помнила. Гляди, мир нуждается в надежде и движении вперёд. Смотри, брат – души застыли, перерождаются и совершают один и те же ошибки, погружая свой мир всё ниже и ниже.

– Это опасный эксперимент, брат. Ты нарушаешь, установленные ИМ правила. Души должны развиваться самостоятельно. Её воспоминания о прошлой жизни – это нечестный ход. И не наша в том вина, что они не видят свет.

– Разве? Погляди сам, насколько чиста душа. Насколько сильно её сияние. Она не станет использовать свои знания во вред. Брат, я верю в эту душу. Она справится. Ты тоже верь. Пусть сомнения не отравляют твоё сердце. Мы – Хранители. ОН сам дал нам возможность вмешиваться в судьбы, дабы помочь ЕГО творениям вернуться на верный путь.

– Что ж, коли, ты настолько уверен в ней, то я поддержу тебя брат.

Слова произнесены, решение принято и в сей миг, падая с чёрно-синего неба, разбилась миллиардными искрами звезда – то был знак Высших сил, что грядут перемены. И улыбка играла на лицах Хранителей.

* * *

Звездочёт Его Величества короля Роланда Первого, Бьёрк Тамач

Смотрю в тёмное звёздное небо, обводя взором бессчётное количество звёзд.

Явственно ощущаю, что эта ночь особенна, сам воздух другой – напряжённый, разряжённый, будто решается чья-то судьба, али судьба всего мира.

Ох, неладно это, неладно. Привычно уже то, что стабильно стоит несколько веков. Изменениям никто не радуется, ибо изменения всегда причиняют боль.

Станный груз сдавил мои старые кости, шевельнулись и заворчали кишки, вызывая в объёмном животе неприятные ощущения.

Смотрю в небо долго и непрерывно, ожидая знака, что ли.

Подумал было, что пора уже начинать пить настойки от нервов, что рекомендует королевский целитель, уж больно стар, я стал, переживаю много. Как вдруг, одна из звёзд на небосклоне вспыхнула ярче самого светила – мои кости тут же заныли, кишки сильнее закрути-

лись, подтверждая моё оправданное волнение. Звезда ярко озарила тёмное небо, рассыпавшись мириадами искр – доли секунды и искры устремились с небывалой скоростью вниз, хвостом оставляя на тёмном небе звёздную пыль.

Быстро как мог, привычным движением руки зарисовал происходящее на пергаменте из недублёной сыромятной кожи оленя крошащимся углём.

Свет воистину знакового явления померк, и я тут же выдохнул, обнаружив, что задержал дыхание.

Трясущейся рукой вытер с лица выступивший пот. Инмарий подал знак, но почему он не дождался моей смерти? Я слишком стар для загадок и перемен.

Я долго изучал звёзды, и само небо, чтобы понимать – сегодняшняя ночь станет последней, когда всё было по-старому.

Всё тело превратилось в тугую пружину, ведь мне придётся доложить о знамении королю. Его милость потребует объяснений. Но что я ему скажу, коли сам не ведаю, что несёт в себе то знамение – добрый ли знак, али худой?

Пророчеств с таким явлением не припомню. Ни один друид не говорил о таком.

Придётся сказать королю, что разбившаяся звезда – к добру. Ни к чему нагонять страх и волнения в, итак, непростое время. После войны восстановление идёт тяжело и если на плечи короля ляжет ещё и бремя неизвестности, то сам Инмарий не знает, что тогда будет.

Грузной походкой, кряхтя на крутых ступенях, спускаюсь с башни в свои покои, что служат мне домом: тут и опочивальня, и кабинет.

Опустился за огромный из массива тёмного дерева стол, позволяя своим кишкам расслабиться и освободиться, громко издав звук облегчения. Штаны на мгновение вспузырились.

Оглядел свой стол, что завален пергаментами, свитками, книгами и углём для письма. Сдвигаю всё в сторону и кладу перед собой рисунок произошедшего явления.

Вспоминаю яркую вспышку на небосводе. Знамение продлилось всего лишь мгновение, но надолго запечатлилось в моём сознании.

Провожу пальцами по губам и тереблю их в задумчивости.

Озадачил ты меня, Инмарий. Озадачил.

Убираю пергамент в сторону. Завтра доложу об этом явлении королю, а пока мне нужно расслабиться.

Беру со стола колокол и звоню в него.

Мой личный слуга не спешит появляться на глаза своего милостивого господина.

– Кир! – вскрикиваю я сипло и тут же прочищаю горло, кашлянув в кулак два раза, и повторяю уже громче и грознее: – Кир! Пёс плешивый! Немедля ко мне!

Затряс колоколом сильнее.

Спит, он что ль?

Вскоре, на пороге моей опочивальни и кабинета в одном помещении, появляется мой слуга Кир – высокий как осина и худой, будто глиста, с непропорционально большой головой. Вид слуги, как и всегда – слегка напуганный и глупый.

– Звали, мой господин? – тихо спрашивает Кир, низко склоняясь передо мной.

– Кто ж тебя ещё позовёт, дурень! Сам Инмарий что ль?

Кир сгибает свою спину ещё ниже.

Я крякаю и чешу свой живот, требующий еды.

– Беги на королевскую кухню, принеси оттуда мне поесть и выпить! – распоряжаюсь я.

– Желаете, как обычно, или чего-то особенного, мой господин? – раболепно спрашивает слуга.

– Особенного, – вздыхаю я. – Мяса с кровью принеси и самого пьяного вина. И повару накажи, чтобы не подсовывал мне ту дрянь, как в прошлый раз! Будет возражать, скажешь, что тады я сам приду на кухню.

Кир кивает и удаляется.
Вытираю руками лицо и вздыхаю горестно.
– Милостивый Инмарий, убереги нас от беды.

Глава 2

* * *

Изабель Ретель-Бор

Постепенно прохожу в себя. Медленно просыпаюсь и первые мысли, что возникают в моём сознании – это:

«Почему в моей палате так воняет?»

«Я, наконец, не чувствую боли. Неужели доктора смилостивились надо мной и вкололи лошадиную дозу обезболивающего?»

Это хорошо.

Но вот запах напрягает. Странный он какой-то. Это был запах телесной вони, мочи, пота, грязи, вековой пыли и дыма.

Стараюсь не дышать носом. Но дышать ртом оказалось тоже неудачной идеей. Вдохнув в себя смрадный воздух, я буквально на кончике языка ощутила этот штынь.

Фу-у-у-у! И бе-е-е-е!

Открываю глаза и на мгновение замираю.

Какого чёрта?

Почему моя палата выглядит как декорация к историческому фильму?

И в тот же миг, воспоминание накрывает как цунами.

Водоворот событий пронесется молниеносно: я умерла в своём мире. Я отчётливо это помню. Умирать было больно. Помню своё последнее мгновение. Я желала скорейшего освобождения от страданий. Одновременно с этим чувствовала непреодолимое желание жить.

А потом... потом была солёная вода, песок на коже и его скрип на зубах. Холод. Снова боль и движения.

И память Изабель, в чьём теле я теперь живу. Её воспоминания похожат на пересказ путника.

Другой мир.

Средневековье.

Новая жизнь.

И я могу ходить.

Как ни странно, но я чувствую себя бодрой и отдохнувшей.

«Наверное, я пролежала без сознания несколько дней, если не недель», – думаю про себя.

Подобрать другого объяснения не могу. Иначе, как же тот факт, что я не ощущаю боли в голове и во всём теле?

Потрогала свою новую голову и подивилась тому, что я теперь кучерявая.

Не нахожу на себе ни шишек, ни ссадин, ни корочек после травмы.

Странно, Изабель падала с высокой скалы и по идее, должно быть переломано всё тело.

Но хорошо, что всё хорошо.

Скидываю с себя толстые, душные и дурно пахнущие шкуры.

Пока ещё не до конца веря в происходящее, гляжу с благоговением на своё новое тело, скрытое в складках рубашки длиной до пят.

Двигаю ногами: поднимаю их вверх, потом вниз. Развожу в стороны. Делаю «ножницы», затем «велосипед».

– Невероятно, – шепчу благоговейно.

Это невероятное ощущение, чувствовать свои ноги. Задрала вверх рубашку и подивилась, насколько изящны и стройны эти ножки. Весело шевелю пальчиками, и всё получается.

Вам, наверное, покажется моё поведение ребячеством, но понять меня смогут те, кто не может ходить.

Сползаю с высокой кровати на пол и тут же возвращаюсь назад.

Пол не просто холодный – он ледяной! Да к тому же грязный. Устлан соломой, которую давно уж надо отсюда вымести.

И не понимаю, зачем тут в принципе понадобилась сухая трава.

Обвела комнату взглядом. Тяжёлые шторы не позволяли свету пробиться внутрь и осветить помещение, но даже в полумраке я рассматриваю обстановку.

На массивном столике у кровати в закоптившемся и измазанном воском подсвечнике догорает свеча. Рядом в золотой миске тлеют и дымятся остатки сухих трав.

Вот откуда этот жуткий запах дыма.

В мерцающем полусвете я вижу всё, что требуется и меня потрясает увиденное.

Это не спальня, а какой-то кошмар!

Мебель хоть и массивная, красивая, добротная в духе викторианской эпохи, но загажена так, что я даже представить не могу, что вообще с ней делали! В углах виднелась многовековая паутина. В чёрном от копоти камине, тлели догорающие угли. Рядом прямо на полу брошены поленья. С потолка свисает кованая и кривая люстра с не зажжёнными, а местами отломанными на ней свечами, богато украшенная полотнами серой паутины.

Все стены комнаты увешаны портретами в золочёных рамах – большие, средние, огромные, маленькие. Ощущение, что все эти хмурые лица глядят на меня, вызывает во мне дрожь. Ужасно! Ко всему прочему здесь душно и стоит затхлый, прокисший запах.

С отвращением морщу нос.

Возникает желание немедленно раздвинуть шторы, чтобы впустить солнечный свет и распахнуть окна, дабы глотнуть живительного свежего воздуха.

Ко всему прочему у меня возникло обыкновенное желание сходить в туалет.

Средневековье... Тут поди туалеты там, где сам пожелаешь.

Надула щёки и выдохнула возмущённо воздух и тут, меня кое-что настораживает.

Дую ещё раз, а потом касаюсь языком передних зубов и понимаю, что у меня отсутствует верхний передний зуб!

Зашибись! Беззубая графиня!

Лезу пальцем в рот и трогаю десну – немного припухшая.

А стоматологов тут миллион процентов нет. А если есть, то только по части выдрать зубы, а не протезировать и имплантировать.

Расстроилась сильно, но потом взяла себя в руки.

Зато ноги есть. Снова сползаю с кровати и, шипя от холода, начинаю прыгать, скакать, делаю прыжки по типу, как делают их балерины, кружусь и смеюсь. Это счастье ходить на своих двоих!

За этим занятием и застала меня женщина по имени Элен.

– Ох, Всемогущий Инмарий, неужто вы графинюшка, умом тронулись! – воскликнула женщина, хватаясь за сердце.

– Нет, – отвечаю немногословно. – Я праздную.

– Празднуете? – хмурится она. – Но в эту пору нет праздников, графинюшка.

– Есть, – не соглашаюсь с ней и снова кружусь. – Я жива! Разве – это не повод радоваться?

* * *

– Я Инмарию усердно молилась, графинюшка! – трясёт руками женщина, дабы я впечатлилась, насколько сильно помогли мне её молитвы. – И остальных заставила молиться за вас, хоть целитель и сказал, что вы не умрёте и с утра уже будете бодры.

Натянуто улыбаюсь и, перескакивая с ноги на ногу от холода и произношу:

– Благодарю...

И тут же добавляю:

– И простите меня, Элен за пережитое... Стоя на обрыве, я глядела в синюю даль и размышляла над будущим. Я поняла, что должна менять свою жизнь, своё отношение к ней. Хватит плыть по течению. Нужно начинать двигаться вперёд. Этот тлен упадок ни к чему хорошему не приведут.

Женщина на меня смотрит в священном ужасе.

– Имею в виду, нельзя жить и дальше в грусти и печали, – добавляю с лёгкой полуулыбкой на губах. – Отныне, всё будет по-другому.

– Ох, беда-а-а! – тянет последнее слово служанка. – Вы снова попытаетесь убиться, да?

Так, кажется, кто-то неверно меня понимает.

– Нет, Элен, – говорю немного резким тоном и сурово гляжу женщине в глаза. – Забудь это слово. Оно ко мне не имеет никакого отношения.

– Но как же...

По поводу самоубийства. Нельзя, чтобы тут считали, будто я (именно я), пыталась наложить на себя руки. Причём я этого и не делала. Могу подтвердить, положила руку на сердце или на священную книгу, если таковая в этом мире есть.

Память Изабель ничего подобного не подсказывает. Имеются священные писания, молитвы и подобное, а нечто, похожее на Библию – нет.

– Элен, хочу кое-что прояснить, – проговариваю чётко. Забираюсь на кровать, так как ногам становится невыносимо холодно.

– Что же, графинюшка? – переплетает она крепкие пальцы в замок.

– Элен, вот тебе истинная правда – я не бросалась со скалы, меня толкнули, – говорю зловещим тоном. – Клянусь своей бессмертной душой и самим Инмарием. Кто меня толкнул – я не знаю.

Элен раскрывает в ужасе свои, итак, большие и круглые глаза, отчего они начинают походить на огромные блюдца. Прижимает ладошки к губам, выражая всю степень удивления, ужаса и страха и шепчет:

– Как же это?.. Кто посмел-то?.. Как Инмарий только позволил?

Качаю удручённо головой и роняю лицо в ладошки. Всклипываю и мелко вздрагиваю.

– Это ужасно, Элен. Кто-то желает мне смерти, хотя я никому не делала зла. Но что ещё хуже, теперь все будут считать меня графиней, которая пыталась убить себя! А ведь это тяжкий грех! Элен, что же мне делать?

Я откровенно вру.

Изабель сделала этот страшный шаг – она убила саму себя.

Но её больше нет. А я есть. И не желаю, чтобы на меня косо глядели, шептались за спиной, показывая пальцем.

У графини Ретель-Бор должна быть безупречная репутация. Никто не станет воспринимать всерьёз женщину, точнее молодую девушку, которая слаба духом и имеет суицидальные наклонности, одним словом – безумна. А у меня таких данных нет.

Тем более, средние века... Тут разговор с душевнобольными однозначно короткий. А мне проблемы нать? Совсем не нать!

А вот попытка убить меня – это уже другой разговор. С этой стороны я выступлю в роли жертвы, которую некий злодей (*уверена, что у графа найдётся пара-тройка недругов*) решил меня убрать со своего пути. Мотив можно отыскать любой. Элементарно, что приходит на ум

– зависть или желание заполучить графство (*ведь кому-то оно же отошло бы в случае моей смерти, да и граф считается погибшим, хоть тело его и не найдено*). Или же просто кто-то ненавидел Изабель – служанка или слуга. Да что мелочиться-то, быть может, кто-то из знати!

Это я навскидку предполагаю. А так, вариантов масса, если хорошо поразмыслить.

– Ох, моя бедненькая, Изабелюшка, – причитает Элен и обнимает, крепко прижимая меня к своей необъятной груди.

В нос тут же ударяет неприятный запах немытого тела, пота, тухлых яиц и прокисшей капусты.

Меня тут же начинает тошнить. Задерживаю дыхание.

– Никто не станет думать о вас дурно! Никто не посмеет! Я всем-всем скажу правду, графинюшка! Все узнают, что кто-то посмел сотворить зло – решил убить саму графиню Ретель-Бор! Мы найдём преступника, графиня! А если сами не найдём, то письмо напишите королю, пусть присылает защитников!

Вот последнего не надо, от слова совсем.

– Ты так добра, Элен. И ты права – люди должны знать правду, – говорю нежным голосом ангела.

Женщина гордо кивает. Её глаза блестят, даже горят желанием уже бежать и искать злодея, дабы придушить его собственными руками.

Хорошо, что у Изабель, точнее, у меня, есть такая помощница.

Элен – не просто служанка. Изабель выросла у неё на глазах. Она верно служила в замке отца Изабель. Не ушла, когда были распущены все слуги, ведь благородный род разорился. Она осталась и помогала по дому, не требуя жалования. После свадьбы девушки с графом она была отправлена вместе с Изабель в графство Ретель-Бор, дабы также преданно служить молодой семье. Вот тут уже Элен была щедро вознаграждена. В её ведении были все слуги замка. Нет, Элен – не управляющая. Она координирует работу служанок. Да, да! Только женская половина служащих ей подчиняется. А мужчины – это уже в ведении управляющего, как в прочем, в его ведении и женщины, в том числе сама Элен.

Шовинизм во всей красе.

– Не грустите, графинюшка. А то, что задумали – жить не в печали, а в радости – это верное дело.

Она снова обнимает меня, обдавая убийственным амбре.

Я спешно говорю:

– Мне очень надо в туал... по нужде. Да и помыться хочу.

– Помыться? Не богоугодное это дело, графинюшка! – восклицает Элен.

– Слушай, в моей комна... опочивальне дурно пахнет. Мне нужно помыться и надеть чистую одежду. А пока я буду заниматься делами – накажи слугам отмыть тут всё и отстирать. Пусть постелят мне новую постель.

Элен в недоумении начинает лупать глазами.

– Дык недавно же тут всё убрали и стелили? – обводит она рукой эту роскошную помойку.

– Не припомню, – пожимаю плечами.

– Ну как же, всего-то два сезона прошло.

Обалдеть!

Два сезона – это значит, шесть месяцев! Полгода комната не убирается! Как Изабель тут ещё до дня самоубийства не зачахла.

– Отныне я меняю правила, – заявляю категорично и немного возмущённо. – Мы не грязнули, Элен. Я не грязнула и не желаю жить в замке, который похож на хлев.

А вдруг загажена только моя комната, а сам замок блестит и сверкает?

Хмурюсь от этой мысли и понимаю, что она не логична. Уверена, эта комната самая чистая, а весь остальной замок выглядит ещё хуже.

– Но что скажут люди, графинюшка? – качает она головой.

– А ты займи их умы другой темой, Элен. Пусть подумают хорошенько – кто может желать мне зла. Вдруг, этот грешник ходит-бродит рядом с нами, претворяясь преданным подданным?

– Ох, ох, ох! Теперича сама спать не смогу от этих дум тяжёлых. Не представляю, кто бы осмелился на такой грех, – вздыхает женщина и добавляет: – Я позабочусь, чтобы вам принесли бочку, кипятка, колодезной водой и утиральник. Да и завтрак чтоб подали.

– И по нужде мне сильно надо... – вздохнула я, крепясь уже из последних сил.

Элен быстро нагибается и вытягивает ночной горшок из-под кровати – фарфоровый, не какой-то там металлический.

Вздыхаю про себя. Утки и спец. туалеты мне прекрасно знакомы.

Только возмущает меня тот факт, что женщина ставит горшок рядом с кроватью и не уходит, мол, садись и делай свои дела.

Выставлять себя на обозрение не собираюсь.

Память Изабель подсказывает, что в том углу есть ширма.

Гляжу в нужный мне угол, и Элен вдруг говорит:

– Ох, графинюшка! Обуйтесь-ка, пол ледяной же! Сегодня печь потухла, помощник пекаря захворал, и не углядели за огнём. Теперь пока разогреется... Да и в вашем камине почти тепла нет. Ох, простите меня бедовую. Сейчас дров подкину. А вот это на ножки наденьте.

Она мне суёт тапки, похожие на кожаные галоши, отделанные изнутри мехом.

Обулась и благодарно улыбнулась. Тепло.

И тут же улыбка моя померкла. Я про зуб вспомнила.

Показала Элен зуб, точнее его отсутствие и сказала:

– Смотри, что произошло при падении.

– Знаю, знаю, графинюшка. Но ничего, новый вскорости вырастет.

В смысле?

Как вырастет? Откуда ему вырастать, если только он не молочный.

И тут память Изабель приходит мне на помощь.

А ведь точно! Вырастет! Месяца через два!

То-то я гляжу, с Элен что-то не то. А у неё все зубы на месте, да какие зубы! Все как на подбор – ровные и белые.

Улыбаясь и не стесняясь больше отсутствия своего зуба, беру ширму из пыльного угла и ставлю её в этом же углу. Утаскиваю горшок за ширму и гляжу, как Элен подбрасывает дрова в камин, удовлетворённо кивает, глядя на то, как огонь жадно начинает пожирать сухое дерево и только потом с задумчивым видом уходит из комнаты.

Надеюсь, моё поведение не вызвало у неё особых подозрений.

После её ухода, могу расслабиться.

Фарфор ледяной и края его врезаются в ягодицы. Сделав дело, я ощущаю небывалое облегчение. Поднявшись, машинально тянусь за рулоном туалетной бумаги, но ничего нет.

– Блин... – вздыхаю я.

Срочно нужны средства гигиены!

Добираюсь до изогнутой деревянной скамьи, медленно опускаюсь на обитое ярко-красной тканью сиденье. В изумлении гляжу на девушку, отражающуюся в тёмных глубинах металлической поверхности, которая, определённо, тут именуется зеркалом. Волосы, безжалостно спутанные и слипшиеся от солёной воды, имеют благородный тёмно-ореховый цвет. Глаза – два громадных золотисто-карих омута – отражают и возвращают пристальный взгляд. Губы – красивой чувственной формы. Черты лица милы и изящны.

В земной жизни в силу особенностей, к моему сожалению, я не могла носить длинные волосы. Они были у меня короткие, зато всегда ухоженные. И блондинкой я была. Полноватой. И было мне тридцать девять лет.

А сейчас, в отражении на меня глядит девушка лет так двадцати – двадцати двух. Хрупкая на вид, нежная – похожа на эльфа. Но вот взгляд...

В моих новых необыкновенных глазах отражается ум, стойкость и несгибаемая воля. Эти качества были не свойственны той другой Изабель.

– Здравствуй, – шепчу своему отражению.

Не скрою своего восхищения – Изабель красива. Улыбаюсь себе и смеюсь. Без переднего зуба отражение в зеркале становится немного комичным.

Глава 3

* * *

Изабель Ретель-Бор

Спустя бесконечность в мою опочивальню и с моего разрешения входят трое мужчин.

Двое тащат гигантскую бочку с простыней внутри. От вида этой ёмкости у меня глаза на лоб лезут.

Третий, молодой юноша небрежно волочит за собой лестницу, оставляя по полу царапины.

Меня это откровенно возмущает. Но я сдерживаю свой гнев.

Восседая в вонючей постели, вежливым тоном говорю:

– Молодой человек, как вам не стыдно портить эти великолепные полы. Если вам тяжело, то попросите, чтобы кто-то другой выполнил эту работу.

Мужчины оборачиваются на меня, затем с взрывным хохотом и грохотом опускают монстровскую бочку на пол.

Мне кажется, что от этого удара даже кровать подскочила, стены задрожали, а с потолка посыпалась вековая пыль.

Тем временем, парень вскидывает на меня жгучий и ненавидный взгляд, подхватывает лестницу повыше так, что ножки больше не касаются пола и, не говоря ни слова, с громким стуком ставит её подле бочки.

И как это понимать?

Совсем ещё пацан, а уже ненавидит графиню? Если так, то вопрос за что?

Изабель была набожной и кроткой девушкой. От её воспоминаний у меня аж зубы сводит. Серая и незаметная. Даже мышь и то имеет более яркий образ и насыщенную жизнь, чем моя предшественница. Мне откровенно жаль её – слабый дух не для этого времени, уж точно. А после пережитого – война, исчезновение супруга (жив ли он, мёртв ли, а то может и вовсе в плену...), выкидыш, голод в графстве, да ещё и прислуга нос задирает.

Без внутреннего стержня и железного характера, мягкотелым людям управлять графством невозможно.

За этими мыслями меня и застала Элен.

Вместе с ней снова заходят мужчины, затаскивая с собой тяжёлые вёдра с водой. От одних исходит жаркий пар, другие, значит, наполнены холодной водичкой.

После ухода мужчин, опустив вниз голову, словно за некую провинность меленькими шажками входят две девушки.

У них на руках лежат ткани.

Одна девушка кладёт на скамью серо-жёлтое полотно. Как я понимаю, это и есть... вздыхаю от жуткого слова, которое режет мне слух – утиральник. Сверху – брусок коричневого мыла.

Другая служанка держит стопку постельного белья. Тоже невзрачного цвета.

– Вот графинюшка, всё готово, – говорит Элен и забирает бельё у девушки.

Они остаются в спальне и чего-то ждут.

– Изабелюшка, что же вы ещё в постели? Али передумали мыться? Коли так, то я отпущу служанок. Работы у них навалом.

Это какой же работы? Платьями пол подметать?

Память Изабель подсказывает, что мыться самой – это не господское дело. Надо, чтобы служанки помогали. Причём мытьё такое – в грязной же ночнушке в бочку забираешься и окунаешься. Девушки из кувшинов водичкой голову польют, мылом немного волосы промоют и сполоснут.

На этом всё. Водные процедуры, так сказать, окончены.

Но мне такого не надо.

– Пусть идут. Я сама помоюсь, – заявляю категорично.

Девушки какие-то запуганные – плечики ссутулили, и головы ещё ниже опустили.

Нахмурилась и покосилась на Элен.

Воспоминания об этой женщине, пробуждают лишь тёплые чувства в моём сердце. Точнее, это была память и чувства Изабель.

И я не нахожу ничего такого в памяти своей предшественницы, что могло бы указывать на деспотичность Элен. Напротив, эта женщина была хоть и строга, но справедлива и учтива со всеми служанками.

Изабель иногда называла Элен мамушкой.

В общем, что-то мне подсказывает, дело тут не в Элен, а в управляющем.

Изабель его боялась. Даже я при вспоминании об этом человеке невольно вздрагиваю – остаточная память тела.

Но ничего, я разберусь с этим.

А пока – чистота, иди ко мне!

– Но графинюшка! Как же вы сами-то? – всплеском разводит руками Элен. – А ежели упадёте? Или утопните?

Начинается маразм.

– Элен, я не упаду и не утону, – отвечаю женщине немного раздражённо и говорю уже служанкам. – Девочки, идите, занимайтесь своей работой. Позже я со всеми...

Чуть не ляпнула «познакомлюсь».

Но вовремя прикусила язык и сказала:

– ...поговорю.

Девушки делают небольшой поклон и шустро удаляются.

– Изабелюшка! – испуганно восклицает Элен. – Что ж ты задумала-то? Неужто Тинарий тебя околдовал?

– Мамушка, прошу, оставь меня, – проговариваю устало. – Я сама справлюсь. А перед тем как мыться, я хочу помолиться и поблагодарить Инмария, что спас мою жизнь и даровал второй шанс. Моё омовение – это своего рода дань уважения богу.

Элен от моей речи впадает в ступор, но тут же отмирает.

– Вы так давно не называли меня мамушкой.

Улыбаюсь ей самой доброй улыбкой.

Элен улыбается в ответ и интересуется:

– Омовение как дань уважения Инмарию?

– Именно, – киваю ей. – Каждое божье существо по утрам умывается – кошки, собаки, все животные и птицы, жучки и паучки, даже морские обитатели и те не пренебрегают чистотой. Я уже сказала тебе, милая моя Элен, моя мамушка, я переосмыслила свою жизнь. И на меня снизошло откровение.

– Откровение? – Элен смотрит на меня в немом ужасе и одновременно восхищении. – То-то я и гляжу, что речь ваша стала иной и говорите вы с утра столько, сколько за месяц не говорили.

Ну вот, скрыть свою суть не удаётся. Значит, буду делать ставку на озарение, божье благословение, переосмысление жизни и подобное.

– Почти всё меняется, мамушка, – произношу мягко. – Ты только знай, я всегда буду помнить твою доброту, ценить заботу и благородство. Ты помогла моим родителям в трудную минуту и продолжаешь служить уже мне. Ты права, я мало говорила, но пришло время сказать – спасибо тебе за всё. Ты – мой свет, мой дорогой и любимый человечек.

Мои слова растрогали женщину. Она всхлипывает, и по её щеке катятся слёзы.

– Девочка моя, графинюшка, – шепчет она. – Благослови тебя, Инмарий.

И озаряет себя символом Инмария – два пальца правой руки прикладывает ко лбу, потом к губам, кладёт руки крест-накрест на плечи и отвешивает до пояса поклон.

Я повторяю за ней.

– Прикажу, чтобы тебе завтрак твой любимый подали. Как обычно, в опочивальню, или накрыть в главном зале?

Не-не!

– В опочивальню, – улыбаюсь ей.

Она кивает головой и, уходя, приговаривает:

– Как же мне повезло. Как же повезло с графиней.

Наконец, выдохнула с облегчением. Отрываю от утиральника приличный кусок ткани. Хорошо смачиваю и натираю грубым мылом, пахнущее горькими травами. Стягиваю с себя противную рубаху, и, вздрагивая от холода, очень осторожно взбираюсь по короткой лестнице и забираюсь в бочку. В бочке тоже есть ступенька – она же лавочка, на которой можно сидеть.

Начинаю мыться.

Вымываюсь с головы до ног.

Боже! Какой же это ка-а-а-а-айф!!!

Даже не замечаю таких минусов, как ужасное неудобство бочки. Мыться в ней – то ещё «удовольствие». Обила локти, ушибла пальцы ног. Когда выбиралась – чуть не навернулась с лестницы.

Да, с таким аттракционом определённо нужен помощник.

Используя чистую воду в ведре, почистила зубы тряпочкой и не поверите – и мыло.

Зубы хоть и хороши, и отрастают новые, если потеряла – но так как в моём мире, зубы – это вечная боль, особенно, когда нет огромной кучки денег, то я выработала привычку ухаживать за ними, дабы не случилось беды типа кариеса.

В примыкающей к спальне гардеробной, с трудом, но отыскала более-менее чистую одежду, (пахнущую не дерьмом, простите, за мой французский), а только затхлостью и пылью.

Оделась и расчесала волосы щёткой.

Потом подхожу к окну и раздвигаю плотные шторы, впуская в комнату слабый свет. Замираю от того, что вижу.

Нет, не пейзаж за окном меня впечатлил. К слову сказать, пейзажа-то мне и не доступен.

Передо мной предстали слюдяные оконницы, сшитые вместе. В некоторых участках скреплены маленькими гвоздиками к жестяным полоскам, под которыми края пластинок размещаются внахлест.

Мастер, что творил это чудо, придал оконнице вид геометрической сетки, используя тускло-серую слюду.

Работа тонкая, явно сложная и удовольствие не дешёвое. Это же настоящее декоративное искусство! Только использовалась бы слюда цветная, да чтоб похоже на роспись было – и вообще тогда красота!

Открыть оконнице можно, но я не спешу этого делать – вдруг не закрою потом?

А мёрзнуть, ой как неохота.

Провожу пальцами по тонкой и холодной поверхности.

В этот момент стучится и заходит Элен, а за ней следует девушка с подносом.

* * *

В лучах слабого света танцуют тонны пылинок.
Приседаю у маленького деревянного столика, на котором стоит серебряный поднос.
Элен с улыбкой снимает полукруглую крышку с подноса, убирая её на край столика.
Гляжу на стоящий передо мной поднос и, по привычке беру сложенную салфетку, раскладываю её на коленях. На изящной, разрисованной розовым и зеленым узором глиняной тарелке лежит самое неаппетитное блюдо из всех когда-либо виденных мною в жизни.
По виду оно напоминает бетонный раствор – такое же однородное и серого цвета.
Нюхаю и понимаю, что блюдо не имеет запаха.
Зачерпываю и поднимаю тяжёлую серебряную ложку. На вкус это ещё хуже, чем на вид.
Откладываю ложку в сторону, и пытаюсь языком отодрать прилипшую внёбу гадость.
Отдираю и с трудом глотаю.
Ощущения пренеприятные.
Быстро запиваю эту жуть напитком из кубка, который оказался сидром.
Порадовал лишь хлеб с маслом – хлеб хрустящий, горячий и масло такое вкусное, что я бы его и без хлеба съела.
Закончив завтрак, понимаю, что на кухню явлюсь в первую очередь.
– Уже откушали? – удивляется Элен. – А что ж вы кашку свою любимую даже ложечки не съели?
Если это любимое блюдо, то у меня вопрос, что тогда тут вообще готовят?! Какую гадость?
– Что-то приелась мне кашка, – кривлюсь я и тут же сменяю тон на деловой: – Мамушка, прикажи, пусть сегодня отмоют мою опочивальню и хорошенько её проветрят. Пусть вода и воздух очистят эту комнату от прошлого. А также всю пылицу отовсюду выбьют – особенно из штор и матраса.
– Ах, вот оно что? – понимает Элен. – Конечно-конечно, моя графинюшка. Сейчас же пойду и прикажу.
Она тут же убегает, а я собираюсь с духом, погружаюсь в память Изабель, дабы понимать, куда мне идти и что где находится. И откровенно труся, выхожу из комнаты.
Нужно познакомиться с замком и его обитателями.
Сегодня просто хочу всё увидеть, оценить и после составить план действий.
Ну-с, с Богом!
Трепеща, выхожу за пределы своей спальни.

* * *

Изабель Ретель-Бор

Мало кто задумывается, что для «обслуживания» знати и выполнения повседневной рутины в замке нужна целая армия прислуги.
О таком я никогда не думала. На Земле у меня были другие заботы и цели.
Но судя по тому, насколько запущен замок, мне на ум приходит лишь одно – либо прислуги катастрофически не хватает, либо никому и дела нет до чистоты в доме. Тогда вопрос – чем они все здесь занимаются?
Это мне и предстоит выяснить.
Решаю сегодня не обходить все помещения. Сначала хочу увидеть основные комнаты замка – кухню, главный зал, кабинет, библиотеку и посмотреть в глаза управляющего. Что он за человек, которого боялась сама графиня Ретель-Бор?

Начинаю с кухни. Найти её оказалось делом простым, да и память Изабель не подводит. Что ж...

Какими миры бы не были, какие люди бы в них не встречались – гордая и заносчивая знать, короли и королевы, отважные рыцари и прекрасные дамы, маги и мудрецы, бродячие артисты и злодеи-пираты – все любят вкусно поесть.

Любопытно, а в меню драконов всегда присутствуют прекрасные принцессы-девушечки, а эльфы употребляют в пищу лишь фиалки и пьют утреннюю росу?

Вы, наверное, как и я сама, считаете, что кухня этого времени – примитивная и невкусная, особенно учитывая мой сегодняшний завтрак.

Учебных кулинарных учреждений явно в этом мире нет. Однако, готовить же как-то могут и умеют.

В общем, дамы и господа будущего, устраивайтесь сейчас поудобнее, – поведаю вам о средневековой кухне. Точнее, перескажу то, что узнала от одного милого помощника повара.

Итак, кухня в моём замке о-о-о-очень большая. Она просторная, с высоченным потолком. Прямо по центру устроен очаг. Дым выходит через дыру в потолке. Выглядит довольно странно. Почему бы не построить дымоход?

На балке висит большой котёл, думаю, что он из чугуна. А ещё прямо на разогретых углях стоят глиняные горшки.

Я смотрю, как несколько поваров обмазывают глиной, чтобы запечь прямо в очаге... вы не поверите кого... белок и ежей!!!

Потом узнаю, что эта дичь почему-то считается разновидностью свиней.

Другие перемалывают зерно в каменных ступках. Но почему? Неужели графство настолько бедно, что тут нет мельницы и мельника?

На этот вопрос память Изабель ответов не даёт. Девушку в принципе не интересовал быт графства.

Чуть в стороне стоит маслобойка. Здесь же я вижу решётки для жарки и вертела разных размеров.

На кухне стоит два стола.

Разделочный – очень большой. Настолько большой, что за ним может свободно расположиться за работой человек двадцать, а если потеснить их, то и все тридцать.

Кастриулы на нём стоят тяжёлые, с длинными ручками. Ещё здесь вижу металлические треноги с крюками для крупной дичи и полный набор инструментов: ножи для свежевания, ножи для резки, деревянные ложки, черпаки, соусницы, тёрки... Скажу честно, кухонной утвари тут больше, чем у меня за всю жизнь было.

Есть ещё один стол – поменьше. Как я понимаю, за ним едят слуги.

Видю у каменных стен несколько ярусных кроватей с матрасами, набитых соломой.

Это, конечно, не графский матрас – если честно, для меня он неудобен и жёсткий. Но я представляю, насколько неудобны вот эти мешки, из которых торчит колючая трава.

Вывод – повара здесь днюют и ночуют.

И это не правильно.

Пол на кухне, как, наверное, и во всём замке покрыт разбросанной травой и камышом. Я так понимаю, трава придаёт хоть какую-то свежесть. Трава ведь впитывает и удерживает жидкость, а также твёрдые вещества, которые падают на пол – обрезки продуктов, шелуха, объедки, льющаяся вода и обильно капающий жир, плевки, экскременты кошек и крыс...

Один огромный грызун с гибким хвостом бежит прямо при мне вдоль стены и скрывается в каком-то небольшом отверстии в полу.

Откормленные кошки, вальяжно развалившиеся под столом, даже не шевелятся и ухом не ведут.

Я гляжу на суету и понимаю, что все повара и помощники – мужского пола. Ни одной женщины.

Вот те на!

Я-то думала, кашу а-ля цементный раствор приготовила повариха! Ан нет.

Большой и толстый усато-бородатый дядька в коричнево-сером нечто раздаёт команды своим поварьятам, которых здесь я насчитываю пять человек возраста примерно от десяти до двадцати лет.

Самому дядьке на вид лет пятьдесят. Брюхо – во! Такой арбуз, что даже не представляю, как он ходит.

А он и не ходит, а переваливается, подобно гусю.

Морда красная, нос – картошкой. Губы не видно из-за густой рыжей поросли. Неопрятный и внешне похож на злого персонажа – Карабаса-Барабаса.

И ещё вижу одного мужика – он крепкий и низкорослый, разделяет мясо.

Получается, вместе с поварьятами, шеф-поваром и мясником на кухне работает семь человек.

Около отдельной печи, где уже жарятся несчастные белки и ежи, суетятся двое поварят. За столом работает пекарь, здесь же, рядом с ним машет топором мясник, гремит тарелками мальчик-посудомойщик, красными от холодной воды руками намывая посуду.

Ещё один слуга неустанно таскает дрова – для замковой кухни их нужно очень много.

Ни фартуков, ни колпаков, ни-че-го.

Да здравствует дизентерия и прочая гадость!

Так дело не пойдёт, дорогие мои служащие. Я грязи в своём доме не потерплю.

На меня сначала никто внимания не обращает. Не успеваю поздороваться с поварами и вежливо поинтересоваться, как обстоят дела, как кое-что ужасное происходит.

В шоке вижу, как шеф-повар, ни с того ни с сего, выхватывает из-за пояса хлыст и начинает в то же мгновение пороть двадцатилетнего пацана-пекаря по спине!

Удар!

– А-а-а-ай! – кричит парень.

Хлыст рассекает спёртый воздух и жалит парня снова! Звук выходит страшный – стреляющий.

Тот вскрикивает от боли громче и выгибается дугой. Несколько капель крови попадают на тесто и белые от муки руки парня.

Все, кто находится на кухне, вдруг вжимают головы в плечи, и желают казаться маленькими и незаметными.

Трусы!

Бородач орёт басом, брызгая слюной:

– Ах ты, падаль! Снова хлеб по своим рецептикам месишь! Я тебя предупреждал! Инмарий мне свидетель, у меня терпение лопнуло!

– ЧТО. ТУТ. ПРОИСХОДИТ?!

Ого! Не думала, что в таком хрупком и изящном теле, скрывается мощный и сильный голос. Как любят говорить профессиональные певцы и музыканты – мясистый и глубокий.

У меня от гнева, словно дыхание дополнительное открылось, чтобы мой вопрос услышали за лесами, за горами. А уж на этой загаженной и антисанитарной кухне уж и давно.

Вдруг все замирают, и образуется звенящая тишина. Лишь слышно как шипят угли, и гудит в очаге жадный огонь.

– Госпожа графиня?.. – басит шеф-повар.

Нет, блин! Императрица всяя Руси, болван!

– Не похожа? – задаю вопрос ледяным тоном, от которого у самой мороз по коже. – Отвечай, пёс плешивый!

И чувствую, что-то происходит.

Все присутствующие тоже вздрагивают и пригнут ниже свои бедовые головы.

Градус в кухне понижается, и я откровенно ощущаю, как воздух становится холодным.

До меня не сразу доходит, что это дело рук моих. Точнее – голоса.

Но когда осознаю, то усилием воли сохраняю спокойствие и не выдаю своих эмоций.

Лицо кирпичом и всё прекрасно.

– Госпожа графиня... Мы обед готовим, – молвит дрожащим голосом бородач.

И таким жалким вдруг он стал и заблеял, аки овца, точнее, овец... Блин. Не овец, а баран.

А у меня злость внутри клокочет и требует немедленного выхода наружу. Но нельзя, нельзя.

Память Изабель упрямо молчит и ничего не подсказывает... Что же это? У меня волшебный голос? Или нечто другое?

«Охохонюшки-хо-хо! Будь осторожна», – говорю сама себе.

– Иди сюда, – говорю парню, что получил незаслуженных плетей и маню его к себе пальцем.

Обвожу взглядом слуг:

– А вы продолжайте работать.

Шеф-повар, очевидно, думает, что я сейчас буду наказывать провинившегося парнишку, и ехидно улыбается тому вслед. Тот тоже так думает и обречённо идёт ко мне, шаркая деревянной обувью по застеленному соломой и камышом полу.

Но они оба ошибаются.

Поворачиваюсь спиной и иду прочь из кухни. Парень следует за мной.

Глава 4

* * *

Изабель Ретель-Бор

– Как твоё имя? – интересуюсь у парня на ходу.

Я иду в малую гостиную, туда, где, как подсказывает память Изабель, графиня принимала гостей (крайне редко).

– Омм... Омар... – произносит повар, заикаясь и очень тихо. Я едва слышу его.

– Омар, значит, – улыбаюсь по себя. – Как символично.

– Госпожа графиня... Простите мою дерзость... Клянусь вам, этого больше не повторится... – шепчет он. – Только не прогоняйте... Отсыпьте плетей. Подвесьте над выгребной ямой... Опалите мои пятки... Да только не гоните прочь...

Э-э-э... Чего?!

Оборачиваюсь резко и смотрю на Омара удивлённо.

– С чего решил, что собираюсь гнать тебя? И ещё эти ужасы, о которых ты рассказываешь – выброси их из головы, понял?

– Вв... вы не прогоните меня, правда? – не верит своему счастью Омар.

– Нет, – жму плечами и иду дальше.

Малая гостиная выглядит... печально.

Эх, пылесос бы сюда супермощный, да тонну «Мистера Пропера» со всевозможными тряпками и губками.

Вздыхаю и величественно опускаюсь в кресло. Именно на то место, где обычно сидела моя предшественница.

Тело помнит, как нужно садиться изящно и как держаться перед собеседником.

Это хорошо.

Парень стоит передо мной, опустив голову и собрав вместе ладошки у пояса.

Вид – виноватый и, несмотря на мои заверения, что не прогоню его, всё равно сквозит во всей его позе печаль.

– Скажи-ка мне, Омар, что так гневался главный повар? – спрашиваю парня.

Помощник повара переступает с ноги на ногу и начинает мять свою рубаху, которая и не рубаха уже, а заплатка на заплате.

– На меня смотри, – приказываю ему.

Нехотя, но Омар поднимает на меня взгляд.

– Сильно спина болит?

– Нет, госпожа графиня.

– Эй! Иди-ка сюда! – кричу служанку, которая пытается шустро проскочить мимо открытых дверей, но я вижу девушку.

Она замирает на мгновение, а потом спешит ко мне.

– Слушаю вас, госпожа графиня, – кланяется мне милостивая служанка.

– Найди Элен и скажи ей, что я приказала срочно привести целителя. Только предупреди её, что целитель не для меня. Для повара. Поняла?

– Да, госпожа графиня, – присела она в поклоне.

– Иди и поспеши, – отправила её со своим поручением.

Парень с удивлением глядит на меня, будто перед ним не графиня, а, по меньшей мере, Богиня снизошла.

Усмехаюсь про себя и киваю ему на соседнее кресло.

– Садись. В ногах правды нет.

– Госпожа... – пытается он протестовать.

– Перечить смеешь? – добавляю грозы голосу.

Омар мотает головой и быстро садиться – без изящества. Просто – плюх в кресло и всё.

– Теперь рассказывай.

– Госпожа, только не сердчайте, – начинает пылко говорить Омар.

– Омар, ближе к делу, – обрываю его.

Он вздыхает и повинуется. Начинает с виноватым видом говорить:

– Я люблю готовить, госпожа графиня. Мне нравится сам процесс, нравится, когда мои блюда приобретают вкус – сочный и такой, что закрываются глаза в блаженстве.

Улыбаюсь одними губами. Я ещё не забыла, что у меня зуба нет.

– Да ты романтик, Омар, – говорю с улыбкой.

Но парень не улыбается.

– Не могу вам этого объяснить, госпожа графиня, но поверьте, я знаю, что именно кухня моё призвание и мой дар. Я знаю, как нужно испечь хлеб, чтобы корка у него хрустела, а мякоть была не просто мягкой, а тающей как облако.

– Та-а-к... Ты создаёшь новые блюда, верно? – начинаю понимать. – Но главному повару твои эксперименты не нравятся.

Омар обречённо кивает.

– Верно, госпожа графиня. Осидий – уважаемый и опытный повар, но он не чувствует тесто, не понимает специи и смеётся, когда говорю ему, что мясо нужно резать вдоль волокон, дыбы оно сохранило гибкость и не разваливалось.

О-о-о... Кто-то тут призванный шеф-повар!

– Так-так, – воодушевляюсь я. – Расскажи-ка мне, дорогой Омар, какие рецепты ты придумал. Назови парочку, чтобы я понимала, насколько ты хорош, как говоришь.

Парень нервно сглатывает и, кажется, сначала думает отказаться говорить о своих рецептах, но напорвшись на мой взгляд, всё рассказывает.

– У нас много имбиря, госпожа графиня. Имбирь применяется в основном в целительских отварах. А я нашёл ему другое применение. Имбирный хлеб невероятно вкусный.

– Имбирный хлеб? – заинтересовалась я. – Это очень любопытно и интересно.

Мне тут же вспомнились имбирные пряники.

Что за темнота, а? Имбирь – это великолепный ингредиент для многих блюд! Омар – большой молодец!

– Продолжай, Омар. Мне очень интересно услышать о твоих умениях. А также поведай-ка, что ты в принципе умеешь готовить и из традиционного.

Должна же я знать, чем тут меня кормить будут.

И Омар начинает рассказывать, да так интересно, что мне сразу становится ясно: Омар – повар от Бога.

И вот что я узнаю, дорогие мои читатели.

Оторвитесь на секундочку от книги. Сходите за чашечкой чая или кофе, да печеньку не забудьте или шоколадку, потому, как сейчас, будет интересно. Немного экскурса по гастрономии средневековья.

Итак.

Самый обычный хлеб, который пекут на моей кухне, да и в принципе на кухне любой знати – это «суржик», выпекается из смеси озимой пшеницы и ржи. Но иногда выпекается хлеб из овса и ячменя.

Что интересно, очень часто хлеб используют в качестве тарелок – тренчеры.

Рыбка.

Ох, друзья! Омар такое мне рассказал о рыбе!

Если бы наш современный рыбак (со своими модными удочками, спиннингами, блёснами и прочей атрибутикой) попал в этот мир, то захотел бы остаться тут навсегда, потому как тут для него – рыбный рай.

Рыбы много.

Сельдь, осетры, лобстеры, лещ, линь, форель, карп, лосось, моллюски! И что любопытное, лобстеры могут стать обычной закуской бедняка, проживающего у моря.

Другой момент, что знать запрещает своим подданным ловить рыбу и охотиться, когда им заблагорассудится. Выделяется простым людям определённый период, когда можно ловить рыбу и ходить на охоту. Это касается лишь земель, на которых находится человек. Иногда бедняки уходят далеко, за пределы графства, дабы добыть пропитание, только если попадётся с добычей кому – поди попробуй ещё, докажи, что ты поймал, например, зайца не на графской земле.

Бред.

Нужно обдумать и изменить этот дурацкий закон. На моих землях всё будет по-другому.

В общем, рацион бедного населения ограничивается либо солёной, либо маринованной рыбой. А ловить рыбу беднякам разрешается лишь в летнее время.

Тюлень, китовое и дельфинье мясо поставляются исключительно монаршей семье. Даже знать не может похвастать, что пробовала такие блюда.

У меня от одних лишь названий – дельфины, киты, тюлени... сердце вздрагивает.

Варвары!

Зажиточная знать может владеть собственными прудами и разводить в них карпов. Неслыханная роскошь!

А я тут же беру себе на заметку разжиться прудом и запустить туда карпов – размножаются они быстро. И на жарёху вкусная будет рыбка.

Интересный факт я узнаю: птиц-буревестников и морских уток называют здесь «рыбой». Логика такая – они рождены в море, а значит – рыба.

Понятное дело, что в приготовлении блюд используется огромное количество соли! Чтобы разнообразить меню, в ход идут различные соусы. Одним из самых любимых гарниров считается соус из поджаренной петрушки.

Любопытно.

Из мяса уважение и предпочтение отдаётся козам и овцам. Крупный рогатый скот не в почёте, так как та же говядина очень жёсткая.

Поросята тоже имеются в запасе.

И кстати, свиньи не содержатся в хлеву. Они пасутся на лугах на протяжении целого года – травы (свежей либо сухой) и желудей хватает с лихвой.

И свиньи по описанию Омара больше походят на диких кабанов. Защитить себя от диких хищников такие хрюшки могут без особых проблем.

Естественно, из любого животного ничто не пропадает зря – внутренности и кровь идут на изготовление пудингов. А ещё есть сало! Другой мир, другое время, но даже здесь салце славится своей популярностью.

Охота. Если ловят человека за незаконной охотой, то такая провинность карается сурово – нанесением увечий или смертной казнью.

O tempora! O mores! (с лат. – «О времена! О нравы!»)

Дикие буйволы и олени также относятся к привилегии аристократов.

Зайцы и кролики не сильно почитаются у знати и относятся к категории крыс.

Ага! А ежей и белок есть, значит, нормально!

Что за дикость, вообще?

Мясо кролика великолепно! Диетическое и полезное!

Но вот птице уделяется особое внимание.

Готовы?

Сидите?

Если нет, то сядьте.

На банкетах и пиршествах подаются павлины, лебеди, фламинго, журавли, белые цапли, дрозды, голуби, совы, выпь, чибис, чайки!!! Их обычно располагают в центральной части стола для особых гостей. Порой праздничный стол может ломиться и радовать своих гостей от двадцати блюд из различной птицы!

Что за кошмар?!

Языки фламинго, верблюжьих пятки, мясо свиньи, откормленной сушёными фигами и утопленной в медовом вине, молоки мурен, мозги павлинов, гребни петухов и подобное – это норма любого стола аристократии.

Обращаюсь к памяти Изабель и отмечаю, что да, в графстве Ретель-Бор такие блюда тоже бывали. Но после отъезда графа, Изабель убрала из рациона вычурную и экзотичную кухню, оставив для себя только каши, похлёбки, да хлеб.

Похлёбка...

Похлёбку тут жалуют все – и бедняки, и знать.

Похлёбка может быть как густой, так и жидкой. Но не думайте, что похлёбка – это что-то вроде супа. Это простая пшеничная каша, приготовленная на молоке. Простые крестьяне могут довольствоваться самым простым вариантом похлёбки – гороховой.

С фруктами очень сложно в моём графстве. Довезти их до нас крайне сложно. Поэтому и довольствуемся тем, что сами и вырастили – яблоки, груши, да ягоды.

С десертами тоже напряжёнка. Сахар – безумно дорогая специя.

У меня тут же истерично мигает лампочка в мозгу!

Сахар тут используется только тростниковой, тот самый – коричневый. А я знаю, как добыть сахар из свеклы! Уииии!

Мысленно потираю ручки. Да будут десерты! И варенье, и сладости всякие!

Омар мне очень нравится. Хороший парень и как я понимаю, он – великолепный повар!

Пока не стану резко менять устоявшиеся правила, но однозначно, вскоре заменю главного повара на этого чудесного парнишку.

– Омар, а скажи-ка мне, будь добр, а для кого готовит наш главный повар ежей с белками? Да и ты тесто на хлеб месил и немало. Неужто слуг будет кормить этими деликатесами? Или эти блюда для меня?

– Что вы, госпожа графиня! Как можно вас этими свиньями кормить! Это для гостей! Господин управляющий так распорядился, – докладывает Омар.

– Гости? – переспрашиваю недоумённо. – Это кто же к нам приедет в гости? И почему меня никто не поставил в известность?

Начинаю злиться. Точнее, беситься.

– Так эти гости господина управляющего, госпожа графиня. Они каждый месяц приезжают к нам. Господин управляющий игрища устраивает. А вам не положено по статусу в игрищах участвовать. Вы – женщина.

Пропускаю мимо ушей про женщину, потому как меня интересует сейчас другое.

– Игрища? – хмурюсь всё сильнее. – Что ещё за игрища?

– Ну как же? Карты, деньги... – парень осекается, напоровшись на мой суровый взгляд. Карты, деньги, два ствола?!

Всё, управляющий, тебе пришла хана!

Игрок, значит!

Моё графство проигрывать вздумал?!

Сжимаю пальцами подлокотники кресла.

В гостиную вдруг вбегает Элен, а за ней спешит неизвестный мне седой мужчина – белый-как лунь.

– Графинюшка, деточка моя, что случилось-то? – спорогу причитает Элен.

– Госпожа графиня, как ваше здоровье? – интересуется, очевидно, целитель.

Но я на него даже внимания не обращаю.

Поднимаюсь с кресла, аки царица и командую:

– Осмотреть Омара и вылечить его!

Обращаюсь к Элен:

– Мамушка, немедленно веди меня к управляющему!

Целитель хлопает глазами. Видать, не ожидал, что его заставят лечить прислугу.

– Что стоим? Кого ждём? – рычу на него. – Вернусь, проверю! Чтоб Омар был как новенький!

– Изабелюшка, – ахает Элен. – Что с тобой, доченька?

– Ничего, – говорю сурово, вновь ощущая знакомое мне уже чувство. Вокруг меня воздух сгущается и становится холодным. – Идём к управляющему, Элен. Хочу поглядеть в его глаза бесстыжие.

Глава 5

* * *

Изабель Ретель-Бор

Как, по-вашему, выглядит зажавшийся и вальяжно себя чувствующий в чужом доме управляющий?

Я представляю себе такого мужичка с залысинами, огромным пузом, нечёсаной кустистой, грязной бородой и в загаженной одежде.

Не знаю почему, но вот память Изабель не открывает мне причин страха перед управляющим, а также не даёт картинку того, как выглядит сие чудище, по ошибке названное управляющим графского замка Ретель-Бор.

Словно блок стоит.

Едва я думаю об управляющем – я неосознанно начинаю испытывать какой-то первобытный страх, даже ужас. Но это чувство не моё.

Я никогда так не боялась, даже когда услышала смертельный диагноз и понимала, что мои дни сочтены, медленно умираю на больничной койке...

Страх был, конечно, но не такой, от которого ноги подгибаются, горло сжимается в спазме, разум истерично вопит: «Опасность!», а сердце заходится в бешеном ритме и норовит выломать рёбра, дабы выскочить из груди.

Это ненормально.

Что ж, сейчас посмотрю на этого человека.

Элен, судя по всему, тоже боится управляющего.

Вхожу в кабинет этого мерзавца и что я вижу!

Мужчина сразу появляется в поле зрения.

Ростом он выше двух метров, сложен так, что с лёгкостью переломает кости. Мускулистый. Сплошные мышцы прорисовываются даже через плотную ткань его одежды. Пластины начищенной до блеска кольчуги прикрывают его сердце и жизненно важные органы. Сапоги из мягкой кожи с металлическими вставками, высотой до голени чуть скрипят. Одежда к моему удивлению чистая и кажется, новая.

На шее толстая золотая цепь. На цепи сияет золотом орден просто гигантского размера – больше двух моих ладоней!

Длинные пальцы мужчины унизаны массивными перстнями.

Под кольчугой рубаха малинового цвета. Брюки – коричневые. На поясе в богато украшенные ножны, меч длинный вложен. Рукоять такая мощная, что однозначно не поместится в моей ладони.

Его светлые, пшеничного цвета волосы вымыты и лежат крутыми волнами.

Лицо суровое и жёсткое. Нос с ярко выраженной горбинкой.

Всё в управляющем подавляет размерами. Весь его вид со вскинутым упрямым и мощным подбородком так и говорит: *пощады не будет, маленькая графиня.*

Его взгляд мне ясен – этот человек привык повелевать. Он прекрасно себя чувствует в моём замке и считает себя истинным хозяином. Но откуда такая вольность?

Я мысленно пинаю своё инстинктивное желание сбежать.

У меня даже эта неведомая сила исчезает, словно она, увидев этого представителя рода мужского, грохнулась в обморок.

– Госпожа графиня? Что вы здесь делаете? – в голосе управляющего звучат нотки пренебрежения и недовольства.

А я смотрю на эту махину, раскрываю изумлённо рот, демонстрируя управляющему отсутствие переднего зуба и нервно сглатываю.

Кстати, о зубах...

Я просто в шоке.

У этого великана зубы... вы не поверите... ЗОЛОТЫЕ!

Как это возможно?!

Хлопаю глазами, и в голове у меня возникает мысль: «А случаем, этот управляющий не родом с Земли? Скажем так, прибыла его душа в этот мир и в это время прямиком из лихих девяностых и поселилось в этом мощном теле».

Малиновая рубаша, золотые зубы, золотая цепь на шее той...

Истинный бандит, мать его!

Но вряд ли это так.

Просто я не ожидала, что он такой... большой и совсем не боится меня.

И с чего я вообще решила, что смогу справиться с ним в одиночку?

– Мне доложили, что сегодня в замок приезжают гости, – говорю спокойно, хотя, сказать по правде, вся моя храбрость в мгновение ока испаряется. – Но вы лично мне не доложили об этом. Что за повод звать гостей? Я не распорядилась.

Управляющий, имя которого я не могу вспомнить, смотрит на меня так, будто перед ним сейчас возникла маленькая мышка и заговорила человеческим голосом.

– Госпожа графиня, гости приезжают лично ко мне. Вас они не побеспокоят, впрочем, как и всегда, – отвечает он насмешливо, сверкая золотыми зубами в свете зажжённых свечей и пламени в очаге камина.

Кабинет управляющего утопает в полумраке. Слюдяные оконницы задёрнуты толстыми шторами. Ощущение, что сейчас ночь.

Элен стоит позади меня и молчит. Я спиной ощущаю её животный страх и желание скорее отсюда сбежать.

Подавляю в себе страх, которым наполнено тело и сознание моей предшественницы и понимаю, чтобы справиться с управляющим, мне необходима мощная поддержка.

Поэтому, я беру себя в руки и заталкиваю подальше желание требовать объяснений здесь и сейчас и также спокойно говорю:

– И как же долго пробудут в *моём* замке *ваши* гости? – спрашиваю его и делаю акцент на словах.

Управляющий сверкает хищной улыбкой и делает ко мне шаг.

– Госпожа графиня, позвольте, но вас не должны интересовать мои заботы. В отсутствии вашего супруга, графа Ретель-Бор, я – глава и я принимаю решения всего и вся. И я удивлён, что вы вдруг заинтересовались моими делами.

– Не думаю, что графу понравится подобное поведение... – произношу всё тем же ровным тоном, хотя внутри всё уже кипит от ярости.

– Это уже не важно, – ухмыляется этот гад и снова наступает на меня, но я не отступаю. Не дождётся. – Граф мёртв, госпожа графиня. И вы находитесь в моей воле, и воле Его Величества короля. Как только Его Милость примет решение о вашей судьбе – я обязательно дам вам об этом знать. А до тех пор продолжайте жить, как жили – незаметно и очень тихо, как и подобает благородной госпоже.

– Что ещё за решение? – настораживаюсь я.

Управляющий раздражённо вздыхает.

– Госпожа графиня, извольте, вы что же забыли? Король подберёт вам жениха или же решит отправить в монастырь до конца дней ваших. Но не пугайтесь, я написал королю и

предложил несколько кандидатов вам в мужа – все они люди благородные и богатые. Через три месяца король получит моё послание и примет своё милостивое решение.

У меня нет слов!

Так и хочется заорать и затопать ногами!

Но я выдерживаю взгляд этого чудовищного человека, аристократично киваю ему и говорю всё тем же тоном истинной госпожи:

– Благодарю вас за содействие, но хочу напомнить, что муж мой, граф Ретель-Бор не объявлен мёртвым. Его не нашли и есть большая вероятность того, что он жив и совсем скоро вернётся домой.

– На всё воля Инмария, госпожа, – отвечает с завуалированной издевкой управляющий.

Как же его имя?! Изабель, не время от меня прятать информацию об этом гаде!

– Вы правы, на всё Его воля, – произношу я и усилием воли выдерживаю мужской взгляд. – И прошу не забывать об этом.

Резко разворачиваюсь и, не говоря больше, ни слова, иду к двери. Элен облегчённо выдыхает и спешит за мной.

Но меня вдруг останавливает голос управляющего.

– В вас что-то изменилось, госпожа графиня.

Поворачиваю голову и ледяным тоном заявляю:

– Я перестала бояться.

– Зря... – слышу тихие слова управляющего.

Едва оказываюсь в безопасности, как ощущаю возвращение ледяной силы.

И я понимаю, почему она покинула меня в момент разговора с этим опасным человеком. Моё тело умнее меня. Я бы раскрылась. Обязательно бы раскрыла свои способности. А управляющий об этом знать не должен.

Моё положение в данный момент – хуже, чем птичье.

И ещё эта воля короля...

Не хочу я замуж. И в монастырь не имею желания отправляться.

Но монарху будет всё равно на мои хотелки.

Сжимаю руки в кулаки и судорожно думаю. Элен что-то говорит, охает и ахает, но я не слышу её, так как занята своими думами.

Мне срочно нужно что-то предпринять. Я дитя другого мира и мира продвинутого. Ко всему прочему я многое умею и знаю, да и по профессии я инженер.

Что мне сделать, чтобы заинтересовать своей персоной короля и самой влиять на свою судьбу?

Построить небоскрёб? Запустит самолёт? Отправить людей в космос?

Эй! Ну-ка мозгами шевели лучше! Какие, к чёрту, небоскрёбы и самолёты? Надо что-то проще придумать и воплотить в жизнь, но такое, что повторить без моей помощи не смогли бы.

Голова сразу же идёт кругом от обилия мыслей и идей.

Но я также понимаю, что идеи идеями, но без команды они останутся пустышкой.

Первоочередно, мне нужно составить план всего того, что я реально смогу привнести в этот мир.

Потом, я соберу команду. Мне понадобится много людей. И не только тех, кто будет воплощать в жизнь мои идеи. Мне также необходима своя личная дружина.

Придумать всё просто. А вот реализовать, как и людей нужных найти – это крайне сложный вопрос.

* * *

Изабель Ретель-Бор

– Госпожа, ваш слуга более не имеет ран, – говорит мне целитель недовольным голосом. Омар переступает с ноги на ногу и смотрит на носки своих башмаков.

– Хорошо, – киваю и говорю: – Благодарю вас за работу.

А потом возникает мысль, быть может, за эту услугу нужно целителю заплатить? Если нужно, то сколько? И где мне взять денег? Или он в принципе находится в штате и получает зарплату?

Память Изабель ничего не рассказывает и не подсказывает по этому поводу, потому как, снова повторяюсь, девушку не интересовал замковый быт и то, как в принципе живут, точнее, будет сказано – существуют здесь люди.

А я не могу так, не знать, как всё устроено.

Ой, беда-а-а...

– Госпожа графиня, простите своего верного слугу, но могу я просить вас боле не вызывать меня на подобные случаи? – произносит целитель.

И звучит его просьба не вопросительно, а скорее утвердительно, будто он меня вежливо посылает с будущими приказами лечить здешних слуг.

Делаю лицо кирпичом. Хочу сначала сказать, что будет так, как я решу, но потом в голову приходит мысль всё свалить на гадского управляющего, и отвечаю целителю:

– Это уж не вам решать, милейший. Но ежели вас что-то не устраивает – милости прошу, ступайте и жалуйтесь моему управляющему. Быть может, он заинтересуется вашим крайне сложным и не терпящим отлагательств, вопросом, оторвётся от своих дел насущных, от игрищ и уделит вам своё драгоценное время и внимание.

По тому кислому выражению лица, которое появляется у целителя сразу после моего предложения, я понимаю, что управляющего боятся не только в замке.

И что в нём такого загадочно-ужасного?

Быть может, он титул какой носит? Или имеет некие привилегии от самого монарха?

Ох, и нечисто как-то дело с этим малиновым типом с золотой челюстью. Но как бы выяснить всё и не попасться?

– Простите... Нет в том нужды беспокоить господина управляющего, – тушуетя целитель. – Я не в упрек вам сказал, госпожа графиня. Просто я удивлён вашей просьбой, потому как Омаров отец сам целитель, хоть и не имеет грамоты на использование дара своего. Но сына своего он бы поправил от этих скудных ран.

Отец Омара – целитель?

Что ещё за грамота? Это что-то наподобие диплома или разрешения на деятельность?

Ох, Изабель! Ну, вот на кой чёрт ты днями и ночами молитвы зубрила, а миром своим не интересовалась!

Нет, молитвы – это тоже хорошее дело. Я теперь знаю заковыристые славословия, которые сама бы вовек не запомнила. Есть такие в моей памяти, которые могут даже службу верную сослужить в каверзных ситуациях, спокойно имисмогу оправдать странности своего поведения. А некоторые в моей памяти и вовсе древние, и даже позабытые, но Изабель живо интересовалась и находила даже такие, как исихазм² и селиха³.

– Я знаю, – говорю спокойно. – Но это заняло бы время, а Омар нужен на кухне. И как вы сами сказали, отец его не имеет грамоты. Тогда Омару пришлось бы мучиться долго.

Целитель кланяется и вежливо произносит:

² **Исихазм** – (от греч. – покой, безмолвие, отрешённость), мистич. течение в Византии. Понятие «Исихазма» включает два аспекта. В более общем смысле слова Исихазм – этико-аскетич. учение о пути человека к единению с богом через «очищение сердца» слезами и через сосредоточение сознания в себе самом.

³ **Селиха** – покаянная молитва, являющаяся, вероятно, наиболее древним элементом синагогальной поэзии, назыв. Пиют. Слово это производное от глагола «прощать», в этом значении оно особенно часто употребляется в Псалмах, а в Средние века оно получило значение молитвы о прощении грехов и милости.

– Вы слишком добры к слугам своим недостойным, госпожа графиня.

– Инмарий нам поручил помогать ближнему своему и не проходить мимо того, кто чувствует боль и страдает, – отвечаю, ссылаясь на Бога.

На этом наши пикировки завершаются, и целитель уходит.

Киваю Омару и говорю:

– Возвращайся к своим делам. Выполняй поручения главного повара, не перечь ему, а свои идеи записывай... Кстати, ты умеешь читать и писать?

– Да, госпожа графиня. Я обучен грамоте, – отвечает юноша.

– Хорошо. Как вернёшься на кухню – сделай несчастный вид и не говори, что раны твои вылечены.

– Как скажете, госпожа.

Смотрю на парня и решаюсь спросить:

– Далеко отец твой живёт?

– Нет, госпожа графиня. В Виселках.

«Виселки» – деревня, до которой добираться часа три.

Хорошо хоть об этом Изабель знала.

– На днях навещу твоего отца, – огорошиваю Омара.

Тот вскидывает на меня испуганный взгляд и открывает в немом крике рот.

– Хочу потолковать, – успокаиваю его. – Пусть расскажет, почему грамоты нет. Совершил преступление какое, или причина в другом...

– Мой отец – честный человек, госпожа! – тут же вступает за родителя Омар. – Грамоту ему не пожаловали, потому как гильдии целителей не по нраву пришлись идеи моего отца.

Это уже любопытно.

– Вот об этом мы и поговорим с твоим отцом. А ты не переживай. Я только помочь хочу, – говорю Омару. – Всё, ступай и передай повару – хочу похлёбку из кролика с овощами. И готовить ты будешь. Пусть только кто другой попробует руки свои грязные в мою еду сунуть – оторву и сожрать заставлю.

Омар вдруг удивляется:

– Но кроль же – еда не для госпожи!

– У каждого свои недостатки, – отвечаю ему. – Всё, иди. Не люблю пустую болтовню.

Омар удаляется.

Я же возвращаюсь в свою опочивальню. Голова пухнет от мыслей и переживаний. Всё оказывается не так и радужно, как я изначально себе представила.

Элен семенит рядом, и когда мы оказываемся одни на лестничном пролёте, женщина вдруг хватает меня за руку, дёргает к себе и шипит мне в лицо:

– Кто ты, дитя Тинария?! Куда ты дела мою госпожу?! Отвечай!

Поначалу, едва я очнулась, с осознанием, что я в другом мире, всё показалось захватывающим дух приключением. Новый мир, новое тело, ноги, что ходят... Второй шанс на жизнь. Но ко всему этому прикладывается и море проблем, и моя безголовость.

Вместо того чтобы тихо-мирно сидеть и не выделяться, познакомиться подробно с жизненным укладом замка, выяснить всё хорошенько, а потом идти на амбразуру, я как Сорвиголова сама же нарвалась на неприятности. Безголовая!

– Элен... – выдыхаю изумлённо и многозначительно гляжу на её руку, что сжимает моё запястье. – Что на тебя нашло?

Женщина глядит на меня со страхом, непониманием и надеждой.

– Я жду ответа, – говорит она сурово.

Качаю головой и, несмотря на изначально боевой настрой, я ощущаю приближающуюся панику и страх. Сердце бешено колотится в груди, а пот стекает по спине ручьём.

– Элен... Ты меня пугаешь... – шепчу. – Я – твоя Изабелюшка. Я та, кого ты вырастила, как свою дочь. Я устала бояться. Устала от жизни такой... И впервые в жизни решила начать что-то менять.

Женщина шурит глаза.

Меня трясёт и накрывает новая волна страха и отчаяния. По щекам текут неясно откуда взявшиеся горячие слёзы.

– Ты же сама свидетель тому, как складывалась моя судьба... Я всю жизнь вела себя примерно, плыла по течению и никогда никому не перечила. Но что из этого вышло, мамушка? Посмотри сама...

Элен отпускает мою руку и смотрит уже другим взглядом – исчез страх и подозрения.

– Я осталась без мужа, Элен. Без защиты и поддержки. И я не знаю – жив ли он, али нет. Ребёночка потеряла и едва не отошла в мир иной. И что ждёт меня дальше? Новое замужество? А разве не грех это страшный выходить замуж, будучи женой другого? Я верю, Элен, что муж мой – жив. И я не собираюсь больше отдавать свою судьбу в руки таких людей, как наш управляющий. Кто он таков, чтобы вершить мою судьбу? Я тут хозяйка, Элен. И отныне, я буду бороться за себя и за тех людей, кто встанет рядом со мной. Выбирай, моя мамушка – со мной ты или нет.

– Изабелюшка! – восклицает Элен и заключает меня в свои тесные и жаркие объятия. – Девочка моя несчастная! Горюшка столько хлебнула! Прости меня, дурную! Подумала я, что Тинарий вмешался и испортил тебя!

Ну-у-у... Не знаю, кто там вмешался, но явно Высшие силы руку приложили.

Высвобождаюсь из тисков, именуемых объятия мамушки и говорю ей:

– Управляющий что-то задумал недоброе.

– Страшный человек он, графинюшка. Не ведаю я, почему граф поставил Зеррана на эту должность. Он же волей управляет. Редкий дар...

Зерран!

Имя управляющего тут же всплывает в моём сознании. Да! Это его имя. Резкое и неприятное. Зерран. Звучит, как зараза какая-то.

Ещё вспоминаю, что этот Зерран вроде как спас супруга Изабель. Точнее, уже моего супруга в каком-то походе.

Хмурюсь, и у меня тут же возникает подозрение, что раз он управляет волей, то может, Зерран внушил графу эти мысли? Или и вовсе подстроил спасение.

Не удивлюсь.

И что значит, он управляет волей?

Может, поэтому возникает страх перед ним?

Ох, плохо как без знаний. Мне надо срочно-срочно найти источник, который даст мне ответы на мои вопросы. И этот источник – библиотека.

Ночью прокрадусь в этот храм знаний.

Вхожу вместе с Элен в свою опочивальню и застаю премилую картину.

«Служанки убираются», – так бы я назвала этот кошмар, творящийся в моих комнатах.

Шторы сняты наполовину. Почему полностью не сняли?

Чёрную сажу над камином, видимо пытались отмыть. В итоге только размазали черноту ещё больше.

Дрова как были брошены у очага, так и лежат как попало. Дровницы и в помине не наблюдаю. Элементарно – никакого порядка в поленях.

С пола собрана солома и камыш в кучку у самого входа. Но вот сами полы никто помыть не удосужился.

Грязное постельное бельё заменили на такое же грязное. Шкуры остались прежние.

Люстра скрипуче шатается. Паутины на ней поубавилось, но всё равно осталось предостаточно паучьих лохмотьев.

В самом помещении пахнет горечью сильнее – благовонья и травы весело дымятся в золочёных чашах.

Это просто кошмар какой-то!

Две служанки не замечают ни меня, ни Элен.

Одна взбивает мои подушки, с которых поднимается пыль. Другая вроде как протирает пыль на столиках и весело переговариваются.

– Нет, Илли, о том, насколько добротное у мужчины хозяйство, нельзя судить по его голове. Глупости это. Голова на плечах, а хозяйство внизу...

– Мой братец говорит, что по размеру черепа и надобно судить.

– Потому что у твоего брата голова, точно тыква.

– Она у него и впрямь здоровая.

– Нет, Илли, о том, большое ли хозяйство у мужчины, можно сказать только по его носу.

– Носу?

– Да, да. Чем больше нос, тем больше то самое. Точно тебе говорю.

Вот курицы! Нашли тут время лясы точить! А работу делают не просто из рук вон плохо, они вообще ничего не делают!

– Почему у меня до сих пор грязно? – говорю ледяным и суровым голосом.

Вновь ощущаю энергию, что закручивается вокруг меня и даёт моему голосу небывалую мощь, звонкость и силу.

– Госпожа графиня? – удивляется служанка. – Ппп... простите...

– Мы не успели... – блеет другая.

Я гляжу на Элен и та выступает вперёд и рявкает, точно генерал:

– Немедля, тазы с водой и тряпками притащили, и всё тут отмыли! Разгильдяйки! Чтоб каждый камень блестел! К вечеру не управитесь – выпороть прикажу!

Девушки ойкают и тут же вылетают из комнаты, несутся за водой и тряпками.

Что ж, со служанками и Элен отлично справится.

Я вздыхаю устало и говорю ей:

– Пойду на воздух свежий. Поможешь одеться теплее?

– На башню? – спрашивает она.

Точно. В замке же башня есть.

– Да, мамушка. Туда пойду.

– Сегодня ветер сильный. Наденьте не один плащ, а два. И на ноги, что потеплее. Сейчас, найду.

И скрывается Элен в гардеробной.

Глава 6

* * *

Изабель Ретель-Бор

В сопровождении Элен поднимаюсь на башню.

Но потом прошу её:

– Спасибо, мамушка, что проводила. А теперь ступай. Одна хочу побыть. Подумать мне надо.

– Ох, графинюшка, давай я тут на ступеньках подожду тебя, а то вдруг ветер тебя толкнёт, и ты сорвёшься?

Её переживания меня немного смешат.

– Стены высокие, Элен. Ветру придётся сильно постараться, – смеюсь я. – Ступай. Не волнуйся за меня. Лучше проверь, чтобы опочивальню мою в порядок привели. И совсем забыла – портреты со стен пусть все снимут.

– Портреты ужасные, – согласилась со мной Элен. – Я каждый раз как вхожу, так вздрагиваю. Смотрят они так пристально, будто души их застыли в самих картинах.

– Вот и мне уже дурно от них. Снимите и... – улыбаюсь от пришедшей в голову идеи, – ...и подарите управляющему. Пусть завешает свои комнаты этими картинами и любит.

– Полноте! Обойдётся. Лучше в нежилую часть замка уберём, да простынями укроем.

– Как скажешь, – соглашаюсь с ней.

Получив от меня новое задание, Элен уходит.

Я, наконец, осталась одна.

Выхожу на свежий воздух и глубоко вдыхаю его полной грудью.

День холодный, резкие порывы ветра разносят запах осени.

Мир Арлия – отныне мой дом. Королевство, в котором находится графство Ретель-Бор, называется Эндарра.

Я гляжу на раскинувшиеся земли и море и понимаю, что моё графство так прекрасно, что дух захватывает.

Сейчас день, и графство хорошо видно, несмотря на лёгкий туман. С башни картина открывается воистину замечательная.

В Ретель-Бор идёт дождь.

Мокрые острые капли увлажняют осеннюю землю, мочат жалкие развалюхи-избы, крытые соломой.

Вдруг, на башенные перила прилетает и садится крупный ворон.

Он стряхивает с перьев влагу, но дождь продолжает идти. Ворон поднимает крылья и, глядя на меня чёрными глазами громко каркает. Потом снова водит головой и стряхивает с себя дождевую воду. Нахохливается и замолкает, погружаясь в свои вороньи думы.

Это именно ворон, а не ворона. Наверное, ему уже много лет и есть что вспомнить.

Дождь начинает лить сильнее, доставляя и птице, и мне беспокойство, но ворон не улетает в лес, что раскинулся совсем недалеко от замка. Птица сидит и переживает дождь здесь, вместе со мной.

Я переключаю внимание на пейзаж.

Вижу пустынное поле, за ним поднимается высокий и густой лес, а ещё дальше стоят величественные горы. Их вершины устремляются в самое небо. Высокие и мощные горы Ретель-Бор.

Я вижу самую ближайшую к замку деревеньку и настоящая стыдоба, да грусть одолевают моё сердце.

Нищета страшная.

И это я вижу издалека. А вблизи, значит, всё гораздо печальней.

Одинокие фигурки людей различаю едва-едва. Дождевая пелена не позволяет рассмотреть всё детально. Но и того, что уже вижу, хватает мне, чтобы понять, насколько всё плохо.

Перевожу взгляд в противоположную сторону и вижу волнующееся море – мрачное, бурное, яростное.

Суровая красота моего графства поражает, вызывает благоговение и уважение.

Всё ничего, но омрачает эту величественную природу нищая деревня. И это только одна из немногих, что я вижу.

Ничего, дорогие мои поданные. Я разберусь и обязательно изменю вашу жизнь к лучшему.

Вдруг ворон сердито ведёт головой, смотрит на меня и скрипуче, каркает.

В тон его крику ветер дует сильнее. Туже запахиваю оба плаща.

Осенний ветер, злой и колючий, срывает последние одеяния с деревьев. Летит к своим друзьям горам и морю.

Холодно.

– Что кричишь-скрипишь, как старая несмазанная дверь? – говорю птице недовольно. – Лучше бы рассказал, что видел, да что знаешь. Видел ли мужа моего?..

Ворон смотрит на меня и ещё некоторое время сидит рядом на башне, а потом величаво взмахивает чёрными блестящими крыльями, громко каркает, срывается с башни камнем вниз и улетает.

Вздыхаю и провожаю чёрную точку взглядом до тех пор, пока ворона становится не видно, и продолжаю обозревать прекрасный и немного мрачный пейзаж.

Тоска по дому невольно сжимает сердце.

Понимаю, что мне придётся в этом мире сложно. И пока не знаю, с чего мне стоит начать.

Увы, но жаль, что в мире, который стал теперь моим домом, женщина не имеет голоса.

Это мир мужчин, а значит, мне придётся несладко. Но когда было легко?

Сегодня ночью посетил библиотеку и узнаю, наконец, обо всём.

И не думаю больше ни о чём. Позволяю своему сознанию отдохнуть и очиститься.

* * *

Его Величества король Роланд Первый

Утро для охоты выдалось великолепным.

Несмотря на сырость, я нахожу сегодняшнюю погоду наилучшей для загона зверя.

Воздух холоден, дождь приятно моросит.

Как и всегда при выезде на охоту, чувствую приятное волнение в животе. Я люблю это чувство: оно придаёт остроты и сосредоточенности.

Это же чувство я всегда испытывал, когда шёл в сражение.

В сопровождении приближённых мне людей и личной стражи, мы выезжаем на свирепых конях в густой королевский лес ещё до рассвета.

Кони, закованные в стальные латы, рвутся вперёд, громко лают псы – животным не терпится скорее начать охоту.

Окидываю взглядом своих спутников.

У всех глаза горят и улыбки играют на лицах.

Охотничье возбуждение связывает нас всех воедино: семеро лучников, личная стража, охотовед, ловчий. Славные и сильные ребята. А также мой советник и друг – Тэйлор, два лорда – Лукас и Шон. Все они мои друзья с детства.

Эта троица – самые верные мои люди. Благодаря их советам и поддержке я сумел остановить кровопролитную войну...

Но пришлось пожертвовать красавицейсестрой Селестой.

Королевская семья не смеет выбирать себе спутников жизни сердцем и душой. В нашем случае важнее всего сохранять мир.

Младшая сестра, увы, несчастна, но она смело покоряется своей судьбе.

Моя храбрая сестрёнка.

Благодаря её жертве в обоих королевствах наступил желанный мир.

Уверен я, что отец мой, будучи на том свете проклинает всех нас. Вечно жаждущий крови, новых завоеваний и расширения влияния на других землях, он не мог остановиться. Никогда не мог. Жестокий и беспощадный во всём.

Кровавый король. Так запомнил его мир, и так запомнили отца его дети.

У нас не было детства. Оно прошло в суровых условиях, в страхе и боли.

Об отце пора забыть. Отныне я правлю Эндаррой – обнищавшим и утонувшим в крови королевством.

Трясу головой, прогоняя мрачные мысли.

Снова гляжу на своих спутников и весело улыбаюсь, когда вижу последнего, кто едет с нами охотиться.

Старый звездочёт – Бьёрк Тамач, верный слуга, что служит уже третьему королю.

Деда-короля моего он застал. При отце был. Теперь и мне служит.

Его предсказания всегда правдивы. Последняя его весть о произошедшем знамении вселивает в меня надежду о светлом будущем.

При моём правлении всё изменится. Я верну Эндарре былое величие. Моё королевство снова станет славным государством, как это было при предке моём – Одане Великолепном.

Наконец, все в сборе.

– Бьёрк Тамач! Не ожидали мы, что вы составите нам компанию! – восклицает удивлённо Тэйлор.

– Уважаемый звездочёт! Не рассыпятся ли ваши кости по пути в лес? – смеётся над ним Шон.

– Смейся, смейся, молодёжь, – улыбается Бьёрк. – Погляжу я потом на вас, когда моего возраста станете. Я-то в седло ещё сяду, а вот вы...

Все дружно смеются.

– Пора! – восклицает Тэйлор и машет рукой ловчему и охотоведу, когда киваю ему, что можно начинать.

Ловчий спускает собак.

Псы тут же начинают выслеживать зверя.

Гончие натасканы так, что не отвлекаются они на мелочь, вроде лисы или зайца. Только крупного зверя они будут выслеживать – вепря, либо оленя.

Идут минуты. Мы ждём с напряжёнными лицами, дышим белесым паром в холодном влажном воздухе.

Проходит немного времени, и мы слышим залиvistый лай гончих псов.

Все взоры обращаются на меня.

Скалюсь в довольной и хищной улыбке и кричу:

– Взять зверя!

Мы все тут же устремляемся галопом в лес.

Ловчий и охотовед поднимают изогнутые рожки и трубят.

Нелегко на всём скаку огибать деревья и перепрыгивать через рвы.

Гончие ведут по лесу извилистым путём в самую глубь. Деревья растут плотно, что приходится придерживать лихих скакунов, дабы самим не убиться о ветку какую крутую или не выколоть себе глаза.

Лай псов побуждает спешить, но приходится замедлиться.

Мы несёмся через бурелом, через глубокие и быстрые ручьи.

Лай гончих приближается.

Зверь близко.

– Это вепрь, Ваше Величество! – взволнованно кричит охотовед.

Кабан оказывается громадным.

Мы нагоняем гончих и вепря. Лучники тут же пускают стрелы. Но ни один выстрел не настигает цели. Зверь ловко и быстро уносится в чащу.

Мы мчимся за вепрем и снова видим его.

Лучники опять стреляют и две стрелы смазано ранят зверя – одна ранит ногу, другая задевает крутую бочину. Но эти лёгкие раны лишь прибавляют зверю прыти и ярости.

Разъярённый вепрь резко разворачивается и опускает голову к земле так, чтобы насадить врага на свои смертоносные бивни.

Раненые кабаны никогда не уступят своим убийцам – охотникам. Кабан второй после медведя по выносливости на рану. Лишь пробитое сердце может уложить этого выносливого во всех смыслах зверя. Не пробитое лёгкое, даже вспоротое брюхо не даст повода ликовать. Раненый кабан, даже с выпущенными кишками не станет спасаться бегством. Он будет драться до конца, чтобы утащить за собой в могилу своего обидчика.

Невероятная сила воли, ярость и мощь этого зверя меня восхищают.

Кабан глядит на нас глазами-буравчиками, шумно дышит, мехами раздувая крутые бока.

Гончие заливаются до хрипоты в судорожном лае, но без приказа не атакуют сильного зверя.

Лучники натягивают тетиву, но я вдруг меняю решение.

Мой дар – это сильное чутьё на выполнение следующего шага. Я чувствую, будут ли верными мои следующие действия, али нет. Прямо сейчас я явственно ощущаю, что не должен убивать этого зверя.

Он обязан жить.

Поднимаю вверх руку и кричу:

– Нет! Не убивать!

Друзья и звездочёт знают меня и не выказывают возмущения или удивления.

Охотовед, смачно сплёвывает от разочарования и приказывает ловчему накинуть на гончих поводки.

– Роланд! Вы, как всегда, умеете убить всё удовольствие! – восклицает Тэйлор. – Понимаю, почему вы до сих пор не женаты!

Раздаётся хохот друзей.

А я гляжу на кабана, который всхрапывает и мгновенно уносится прочь, подальше от этого места.

– Клянусь, Инмарием! Сроду таких здоровенных вепрей не видывал! – удивляется звездочёт.

– Могу одолжить вам зеркало, господин королевский звездочёт! – острит Лукас, и все снова гогочут.

Я тоже смеюсь, а старый Бьёрк грозит пальцем и говорит:

– Ох, и договоритесь, молодые люди! Как придёте совета и мудрости моей просить, многое вам поведаю.

И улыбается хитро-хитро.

Друзья умолкают и дружески хлопают Бьёрка по плечу.

– Что ж, охота не удалась. Возвращаемся, Ваше Величество?

– Возвращаемся, – говорю я. – Вместо охоты займёмся делами королевства. Хочу отправить по всему королевству тайную проверку. Без предупреждения пусть визнают, как живут люди и дворянство.

– Хорошее дело, Ваше Величество, – соглашается Бьёрк. – Ваш покойный отец любил подобные дела. Таким образом, изменников искал, а после их жестоко казнил.

– Про казнь речи не идёт, Бьёрк.

– Пока не идёт, Роланд, – говорит Тэйлор. – Как только истину узнаешь, возможно, изменишь своё решение.

– Всё может быть, – не затеваю спор.

Вдруг, в разгар нашего разговора, я слышу свистящий звук.

В следующий миг, Тэйлор толкает меня в плечо, и я вылетаю из седла.

Мой советник спасает меня, подставив под стрелу свою спину.

Стража выхватывает мечи и бросается на поиск того, кто пытался меня убить.

Мужчина сжимает зубы и соскальзывает со своего седла.

– Тэйлор! – кричу в страхе за жизнь верного друга.

– Скорее! Скорее возвращаемся в замок!

– Лукас! Скачи впереди нас наравне с ветром! Пусть немедля целитель готовится спасти моего советника!

Лукас взлетает на своего резвого скакуна и отправляется в путь.

Несколько стражников уходят на охоту за убийцей, а мы быстрее молнии возвращаемся домой.

– Держись, мой друг! – молю Тэйлора. – Инмарий! Не позволяй ему умереть!

Глава 7

* * *

Изабель Ретель-Бор

Мой день проходит быстро – я много думаю, обращаюсь к воспоминаниям Изабель и жду ночи.

Попутно мысленно рисую себе новый интерьер своей спальни, потому как этот повергает меня в ужас.

Стены, с которых сняты портреты в тяжёлых рамах, оказываются не менее отвратительными. Стены задрапированы тканью рубинового цвета – с отпечатками картинных рам в местах, где они висели.

Давящий на психику цвет определённо не идёт мне на пользу. И мне также кажется, что комната стала выглядеть ещё более неуютно и зловеще.

Словно склеп вампира, честное слово. Вместо кровати гроб поставить и будет идеально.

Но я пока не высказываю своего мнения.

Теперь я жду. Мне нужны знания, информация о том, кто же в этом мире женщина. Насколько всё плохо и имею ли я – как графиня, хоть какой-то голос?

Когда замок погружается в тишину и практически все засыпают, я кутаюсь в тёплый халат, беру ещё и накидку, так как в библиотеке может быть сильно холодно, обуваюсь в мягкие шерстяные и бесшумные тапочки, вооружаюсь тяжёлым подсвечником, который могу использовать не только как источник света, и направляюсь в храм, таящий в себе многочисленные знания.

Библиотека располагается на втором этаже.

Я спускаюсь по пыльным и скошенным ступеням каменной лестницы. Я знаю, где нужно мне помещение.

Оказываюсь на небольшой площадке перед входом в библиотеку и осторожно приоткрываю дверь. Сую в небольшую щель голову и оглядываюсь.

Тишина и библиотека пуста.

Я открываю дверь смелее и вхожу внутрь.

Если вдруг кто-то войдёт сюда и увидит меня, скажу, что у меня бессонница, и я решила почитать древние богословы.

Зажигаю от своих свечей другие, что находятся в помещении и когда комната озаряется светом, я замираю, поражённая огромным количеством собранных здесь книг.

Подобного рода старинные библиотеки всегда производят на меня неизгладимое впечатление. Я внимательно осматриваю всё вокруг, включая массивные предметы интерьера, как настенные мечи, флаги, гербы.

На центральной стене, дальней, что располагается напротив входной двери, я вижу герб самого королевства Эндарры. На когда-то белой ткани, а сейчас уже прилично посеревшей, изображено дерево, похожее на мудрый и мощный зелёный дуб. Над его кроной сияет золотая корона. В корни дерева остриём вниз упирается огромный меч. Чуть ниже вьётся двухцветная лента – бело-красная.

Память Изабель подсказывает значения изображённых символов.

Главной фигурой герба является дерево, символизирующее силу, мощь, уверенность, защиту, долговечность и мужество.

Корона – символ мудрого государя.

Меч – символ победы и справедливости.

Бело-красная лента – это богатая память королевства, в истории которой есть и светлые стороны. Но также имеется и кровавая часть, её нельзя забывать.

Рядом висит герб и моего графства Ретель-Бор.

На нём изображены острые горы. У их подножия зелёный лес, да синие волны. А в небе парит чёрный ворон.

Немного мрачноватый герб, но вызывает восхищение, как и королевский.

Ворон...

Хм... Как символично, я сегодня как раз встретила местного пернатого жителя.

Рассматриваю дальше обстановку библиотеки.

Разумеется, она полна книг. Ещё на стенах висят картины: ничем не примечательные, даже скажу, скучные пейзажи и несколько марин. На полу – тяжёлые грязные и уже свалявшиеся шкуры. А сам пол, как и везде, усыпан соломой, да камышом.

Я вообще люблю библиотеки и прекрасно чувствую себя в окружении множества книг, в которых столько прекрасных и мудрых слов.

Прохожу вдоль полок, разглядываю корешки, но на них нет названий книг.

Начинаю доставать их с полок по одной.

Открываю книгу за книгой. Откладываю на стол те, что меня интересуют. Другие – возвращаю на место.

Неприятный обнаруживаю факт – все книги рукописные.

Кто бы сомневался.

До книгопечатания ещё столько веков впереди.

Хорошо хоть писцы оказались аккуратными и старательными. Все буквы и слова выведены идеально – без завитков и прочей ерунды, что только могло бы отвлечь от чтения.

Бумага не ахти, точнее, и не бумага вовсе, а пергамент, выделанный из кожи животных.

Тут же вспоминаю, как производится бумага.

Эх, как бы мне сейчас не помешал добрый помощник Гугл.

Но даже маленький ребёнок знает, что сырьё для производства бумаги – это древесина.

Насколько помню, подходят практически любые породы: каштан, берёза, тополь, ель, сосна, эвкалипт.

Из брёвен нужно наделать щепу.

А ещё необходимо много воды.

А вода у нас тут имеется в избытке.

Так, так, та... кажется, щепки погружают в воду. Они в ней набухают и отбеливаются.

Потом нужно этот материал проварить в кислотах, оксидах и других веществах. Аааа!!!

А в каких?! Знать не знаю!

Но знаю, что это необходимо для получения равномерного вязкого состава без примесей. Чем лучше проварили целлюлозу в химии, тем идеальней качество, сорт и цвет бумаги.

А что, если попробовать без химических реактивов?

Ну и пусть она будет неоднородного цвета... зато сырьё дешёвое.

А что если сделать ещё лучше и использовать не деревья, а мох и траву?

По истории технологии помню, что японцы были первыми, кто изобрёл бумагу именно из травы. Волокна они замачивали в воде, потом варили, кажется, с известью и золой. Потом нужно вылить это сырьё в виде листов и положить под пресс и просушить.

Вопрос, где взять пресс?

Охохонюшки хохо.

Однозначно, что «рукотворная» бумага не будет похожа на бумагу из моего мира, и будет хуже по качеству: неравномерная и до белизны ей как до Луны ползком. Но зато – абсолютный эксклюзив!

Ладно, можно попробовать, а там посмотрю, что выйдет.

За раздумьями, я просматриваю много книг. Большая часть из них по истории, искусству и богословы.

Страницы некоторых книг я медленно и осторожно перелистываю.

И вдруг, на другом стеллаже я нахожу книги с законами.

Чуть не пишу от радости!

Беру первую попавшуюся, открываю её и обнаруживаю лесное право.

Улыбаюсь про себя и кладу эту книгу на стол.

Надо изучить.

На стеллаже обнаруживается настоящее сокровище. Своды всевозможных законов и книги о видах магического дара.

Добавляю к уже выбранным книгам ещё почти с десяток. Сначала хочу покинуть библиотеку, но потом гляжу на заваленный томами стол и решаю остаться здесь.

Начинаю с законов. Основа основ.

Другие книги убираю на рядом стоящий столик и прикрываю их своей накидкой.

На всякий случай открываю ещё две книги с молитвами.

Если кто заглянет – я молитвы читаю. Не мешайте мне.

Итак, погружаюсь в чтение...

* * *

Мне хватило прочесть несколько параграфов, чтобы уяснить, что законы в этом мире писаны мужчинами и для мужчин!

Как вам это!

«Если жена уличит мужа своего в измене и пожелает прекратить брак с ним, то её следует предать реке».

Нет, ну не гадство ли? То есть, мужик может ходить налево, а женщине и слова нельзя сказать, что он кобель недоношенный? Так её ещё за правду и утопить надобно?!

Или вот:

«Если муж узнает об измене жены своей, то право он имеет разорвать брак с ней и оставить жену без крова и имущества».

А почему так? Почему и мужика предать реке нельзя, или вообще, огню?

Никакой справедливости!

«Главная доблесть народа – мужество. Тому мужчине, у кого больше всех сыновей, король каждый год посылает подарки. До пятилетнего возраста ребёнка не отдают на воспитание отцу: он растёт среди женщин. Это делается для того, чтобы в случае смерти ребёнка в таком возрасте не доставлять отцу огорчения».

Ага, а мать пусть страдает.

Но убило меня вот это:

«Женщина, как известно, движется. До того момента пока она не в браке, то принадлежит отцу своему, или брату или тому мужчине, кто опекуном её станет. После замужества женщина является собственностью мужа и считается его личным движимым имуществом».

Что вообще за бред?!

Какой болван и под каким препаратом он это придумал?!

Господи, это же надо так ненавидеть женщин, чтобы назвать нас «движимым имуществом»!

Сначала я сильно расстраиваюсь, но затем мне в руки попадает тонюсенский законник, в котором говорится об охране женских прав.

Ну, наконец-то, есть небольшая в этом мире справедливость.

* * *

Изабель Ретель-Бор

Изучаю и читаю книги несколько недель. Элен я говорю, что читаю молитвы и жития святых, так сказать, в благодарность за спасение своей души и тела, и очищаюсь молитвами от грехов прошлых и будущих.

Ага, теперь я понимаю, какой у Изабель был самый страшный грех. Это лень-матушка. Она помешала девушке совершить остальные шесть. Ну ничего, я всё наверстаю и Изабель в другом мире стыдно за меня не будет.

Элен после моих слов, тут же понимающе улыбается и оставляет меня в покое. Управляющий, слава тебе господи, ко мне не лезет и мной не интересуется.

Я им тоже. Пока.

Но его золотые зубы мне покоя не дают. Так и хочется пойти и спросить, с каких шей у него такая челюсть? Или у него, как и у цыган, молочные зубы – серебряные, а как выпали, выросли золотые?

Кажется мне, что нечист этот товарищ на руку. Ещё, поди, и своих партнёров по играм обманывает. Кстати! Надо бы про его дар узнать, а то и правда, вдруг обманывает? Так я быстренько эту новость его «друзьям» донесу.

В общем, с управляющим разберусь обязательно.

Стоит мамушке уйти, я тут же убираю прочь богословы и вновь открываю законы, историю и книги о магии. А также достаю свои заметки, которые делаю на пергаменте, дабы не забыть, а на кое-чем заострить внимание и изучить более углубленно.

И вот что я для себя узнаю полезного.

В общем, дорогие мои, идеал женщины в этом мире таков: женщина обязана быть покорной сначала отцу, либо брату, дяде, опекуну, а после вступления в брак – супругу.

Я нахожу даже огромный том с рекомендациями по воспитанию девочек.

Скромность, стыдливость, целомудрие – самые необходимые качества для будущей жены. Отец должен пристально следить, чтобы девочка всё время сидела дома, не ходила в гости, нигде не гуляла и даже не вступала ни с кем в разговоры вне дома.

Короче, злые дядьки советуют растить из несчастных не личностей развитых и самодостаточных, а самых настоящих рабынь.

Так же для правильного воспитания эти «умные» люди советуют ограничивать дочерей в еде, сне, красивых одеяниях.

«Она должна испытывать голод, дабы понимать, насколько щедр Инмарий, посылая еду для неё».

Причём для мужчин таких рекомендаций нет!

Ещё пишут, что дочь должна регулярно вставать для молитвы среди ночи.

Если говорить короче, то будущая жена, особенно если она благородного происхождения должна быть замкнутой, стыдливой, внимательной, благоразумной, робкой, усердной, целомудренной, послушной, смиренной и верной.

Рука-лицо и дуло к виску.

От этих опусов начинаю скрипеть зубами, и возникает у меня желание моментально устроить бунт и собрать армию феминисток и мясницким ножом порубить и покрошить всех этих «блОХародных мужей» в капусту!

Потом в исторических талмудах нахожу причины такого отношения к женщинам.

Вот они, полюбуйтеесь.

Женщина в сравнении с мужчиной – незавершённое и несовершенное творение. Природа мужчины завершена, поэтому все качества в нём совершенные. Женщины же менее духовны, чем мужчины. Они менее простодушны, но более мстительны, злонамеренны и несдержанны. Женщина легче подвергается слезам, ревности, ворчливости, более склонна к брани и дракам, к потере присутствия духа, в ней меньше стыда, она больше обманывает и прочая подобная шовинистская хрень.

Раневской на вас нет! Она бы нашла нужные слова для этого... кхе-кхе.

Такое ощущение, что какого-то одного козла обидела (причём, возможно и заслуженно) женщина и он решил, что значит, все такие!

Но потом, о чудо! Я нахожу труд, не поверите, но мужской труд, в котором описывается и восхваляется женщина!

«Инмарий говорит нам, что женщина создана из срединного тела мужского. Если бы она была создана из головы мужчины, рассуждает автор, то должна была бы управлять им; если бы из ног, то должна была бы служить ему, – но она не слуга и не хозяин. Она – товарищ, друг, соратник, помощник его и между ними связь основана на любви вечной».

Готова расцеловать этого гения!

Ура! Есть всё-таки в этом мире здоровые умы мужские. Не все поголовно идиоты и женоненавистники.

Ещё автор этой бесценной книги утверждает, что женщина превосходит мужчину по происхождению: Инмарий создал его на презренной земле, а женщину же – в своих чертогах небесных. Мужчина сотворён из праха земного, женщина же – из части тела мужского. И по благородству женщина выше мужчины.

Ещё он говорит, что благоразумие женщины может и должно проявляться при управлении Домом. Он расписывает, как однажды наблюдал в далёкой стране, как женщина управляла домом с величайшим благоразумием. Он пишет: *«Её мудрость помогла сохранить в трудной ситуации дом и состояние мужа, постоянно уходившего на сражения».*

Выписываю цитаты этого умнейшего и мудрейшего автора. Причём в исторических свитках узнаю, что он причислен к лику Святых и его до сих пор почитают. На его труды ссылаются, только умалчивают обо всех его работах, в особенности об этом великолепии, что находится у меня в руках.

Очень много узнаю о других святых. Среди них и женщины были и до сих пор они почитаемы.

Запоминаю этот немаловажный факт, дабы чрезмерно «умным» процитировать те или иные умные фразы.

Потом подробнейшим образом изучаю вдоль и поперёк женские права.

Ну что ж, самое главное – что же можно женщине.

Не поверите, но многое нам можно. Я думаю, что из-за деспотичного воспитания и ограниченности знаний, большинство девушек и женщин и вовсе не ведают о своих правах, чем наглые мужланы и пользуются.

Память Изабель и близко не подсказывает мне о чём-то подобном. Её не просвещали даже родители!

Вывод: Изабель никто и никогда не говорил, что она тоже имеет право голоса.

Что ж, той Изабель больше нет. На её месте другая женщина – умная, хитрая и умеющая выживать.

Итак, есть очень интересные моменты. Слушайте.

Когда благородная дама выходила замуж за благородного господина, то король жаловал этой даме независимое приданое – четвертую часть мужниного состояния! Это право никак не документируется и считается самим собой разумеющимся.

Но!

Всегда есть некое гадское «НО».

В спорных ситуациях (смерть мужа и у него остались наследники – дети не от нынешней жены; или отказ мужа от жены, по-простому – односторонний развод), если женщина не заявит о своей доле, то никто ей её и не отдаст! А срок давности у такого требования крайне короткий – три дня, мать их!

Хитрож... хитромудрёные!

Сами же женщин глупыми делают и сами же над ними, потом потешаются!

Это своё право я тщательно выписываю на отдельный пергамент.

Несмотря на своего опекуна, которым, по сути, сейчас у меня является отец (хотя муж так и не найден ни живым, ни мёртвым), я имею право на эту долю.

Память Изабель мне подсказывает, что мужа её, точнее, уже моего, ещё официально не признали мёртвым. Значит, я ещё не вдова. Но вот если король признает, то, увы и ах, я могу остаться ни с чем.

Но не всё так просто. У мужа моего детей нет. Со мной он не разводился. Он пропал на войне. И если на самом деле погиб, то я буду признана вдовой.

И на минуточку, очень в почёте в этом мире вдовы.

Но опять же, нужно знать о своих правах.

То-то же, этот козёл с золотыми зубами и большими ушами, которые я бы ему с удовольствием открутила, суетится насчёт моего положения.

Если буду аки овца сидеть и молчать и не писать королю, мол, так и так, Ваше Величество, желаю я, ваша верная подданная, носить траур по мужу своему до конца дней своих (между строк – не фиг мне всяких гадов подсовывать, я и без мужа хорошо проживу, среди любовников, например) и прошу сохранить за мной вдовствующий статус и всё богатство (простыми словами: попробуйте только отнять у меня моё бабло с землями – руку откушу!), вот тогда могу остаться у разбитого корыта.

Вот если я не напишу монарху сама, то король с огромным удовольствием примет предложение грамотного мужчины (отца моего или, например, управляющего, которому доверял мой супруг) и выдаст меня замуж, или в монастырь отправит! А всё почему? Да потому что графинюшка молчала, в зад язык запихав и волю свою не выразила!

Prrrrr!

А ведь по закону, вдова со статусом маркизы, графини, герцогини и пр. имеет все права быть первой наследницей на всё мужнино состояние, если нет других наследников (имеются в виду дети).

Детей нет.

И такая женщина (как я) имеет право управлять своими землями самостоятельно и по своему усмотрению!

Но почитав внимательно историю и порывшись в памяти Изабель, понимаю, что фига с два мне позволят наглые мужики провернуть такое дело, как стать полноправной хозяйкой графства Ретель-Бор!

Ну конечно, что может науправлять женщина, у которой ума как у ракушки.

Они же удавятся и неровно порастут. А управляющий так и вовсе позеленеет.

У-у-у-у... жук навозный! Хитрый-хитрый гад! Чтоб он свою свадьбу в следующей жизни в «McDonalds» отмечал!

Так, эмоции в сторону пока.

В общем, дорогие мои, умные вдовы могли занять прочное положение – полностью распорядиться наследством, доставшемся от мужа.

Это я отметила для себя и в подкорку мозга прочно забила.

Далее, в мире имеются клубы не только для мужчин, но и для женщин. Такие клубы разрешены мужчинами, но темы для этих сборищ всегда сугубо религиозные. Этакая служба только женщин. Но зато можно на подобных посиделках нужными связями обзавестись.

В общем, прав для крестьянок не то что мало, их совсем нет. Для благородных женщин – кое-что можно найти полезное и то, если мозги есть.

Но есть и третья категория. Женщина благородная и обладающая магией!

Редчайший вид, занесённый в Красную Книгу (это я утрирую).

Вот такие женщины имеют полновесный голос в обществе.

Но!

Опять это поганое «НО».

Девочек, у которых обнаружился дар в раннем возрасте, подвергали запечатыванию, то есть, лишали их дара, дабы они «не становились на один уровень с мужчинами».

У меня тут в принципе цензурные слова отсутствуют.

Но для этих поганцев тоже есть одна засада – дар может «проснуться» и позже, спровоцированный стрессовой ситуацией.

В моём случае вообще всё запущено – я дитя не этого мира. Моя душа пришла из мира технологий и стремительного прогресса. Но для всех, я, Изабель Ретель-Бор, пережила страшный страх, когда была сброшена со скалы и в результате, у меня открылся дар.

В таких случаях, женщина обязана сообщить о себе и своих открывшихся способностях в гильдию магов.

После её сообщения, женщину подвергнут проверке, так сказать, чтобы понять, опасен ли её дар для общества и неё самой, али нет.

И тут я думаю, начнётся, карусель, карусель, начинается рассказ! Это казни, пытки и веселее-елье!

Голова кругом, глаза в кучу.

И что мне делать?

Глава 8

* * *

Изабель Ретель-Бор

Откладываю мысли о том, что мне делать и вдумчиво изучаю книги о магии.

И выясняю вот что.

Магия в этом мире есть, но не такая, как я, изначально думаю. Нет тут никаких фаерболов, стихийных магов, некромантов, ведьм и прочих фокусников.

Всё намного проще и одновременно сложно.

Целители.

Люди с этим даром рождаются чаще всего. Но мало родиться с магической силой, нужно её ещё соответственно развить.

Целители – великолепные травники. Сборы, изготовленные именно этими людьми, будут иметь воистину волшебные свойства, нежели от обычного человека, не имеющего дара врачевания.

Они знают, как нужно лечить, какие снадобья дать или какую операцию провести больному. Но имеется ряд загвоздок.

Не всё так просто, как кажется на первый взгляд. Смертность на данный момент высокая и продолжительность жизни недолгая.

А всё почему?

Потому что идиоты!

Дабы человека исцелить, необходимо понимать работу человеческого организма: как устроены органы наши, скелет; необходимо понимать, как работают клетки и происходят сложнейшие процессы в нашем теле!

А я, как человек современного и продвинутого мира, прекрасно знаю, что человеческий организм – вещь крайне сложная.

Ох, жаль, что я ни капельки не доктор.

Так вот, целители здесь очень многое не знают. А чтобы знания получить, что для этого нужно? Правильно. Необходимо проводить исследования, ставить опыты, вскрывать мёртвого уже человека и смотреть, что у него там внутри. Ну, или на кошках тренироваться...

Запрещено так же, исследования разные проводить, по типу, анализы крови брать и других жидкостей. Но... Гильдия целителей подобное не одобряет. От слова совсем.

А раз не одобряет, то все сразу посчитали, что, значит, запрещает.

В общем, так оно и есть. Те, кто против закона идут – лишаются грамоты и не допускаются более до лечения людей.

В общем, темнота во всей своей красе расцветает.

Лучше будем мёртвых защищать, а живые пустьдохнут от болезней неизвестных, потому что целитель, может, и хотел бы помочь больному, но не знает, как лечить, например, цирроз печени или опухоль. Он даже не может проанализировать биоматериал!

Как он это сделает, если не понимает сам принцип работы органов и всех систем организма?

На этот вопрос «умные мужи» дают ответ, мол, значит, судьба такая. Грехов, значит, много нажил человек, вот и помер в страданиях и от болезни неизвестной, раз даже целители с даром своим не справились.

Рука-лицо.

Но есть кое-что любопытное. Закон не категорично запрещает исследования проводить. Гильдия этого не приветствует, это так, но вот благородные господа, в принципе могут дать добро на это тёмное дело тем целителям, что проживают и работают на их земле. Так сказать, под твою ответственность.

Правда, никто из этих самых благородных не собирается давать разрешение, ибо, боятся сами прослыть греховными личностями и подохнуть в результате болезней неизвестных. Ну, ещё и ответственность опять же.

Если у меня получится прогнать Зеррана и полноправно управлять графством, то обязательно позволю целителям, находившимся на моей земле проводить исследования и прочее. А с народом, думаю, договоримся. Буду говорить, что грех этот – мой, а вы, мол, святые. И знаменем Инмария освящу.

Делов то.

Следующие маги – искаженцы воли.

Ну и выдумали название магам разума.

Магия искажения воли даёт огромную власть над незащищённым сознанием и подсознанием человека. Ощутить присутствие чужой силы и мысли способен лишь другой маг или человек, сильный разумом. И то, не факт, что сработает. Если маг силён и хорошо развил свои способности, то даже другой сильный одарённый не ощутит воздействия на него.

От таких людей нужно уметь защищать своё сознание и блокировать даже малейшие попытки использовать человека в своих целях.

Об этом даре известно немного, потому как сами одарённые не желают раскрывать тайны своей силы, дабы не могли другие использовать эти знания против них самих.

И я тут же понимаю, что Зерран – искаженец воли.

Страшный человек.

Сказано также, что людей с этим даром рождается мало и невозможно, сразу определить – одарён ребёнок, али нет. Если известно о родителях, что они искаженцы воли, то есть большая вероятность, что ребёнок их унаследует этот дар.

Гильдия магов тщательно отслеживает людей с этим даром и так сказать, все они стоят у них на учёте.

Интересно, о Зерране знают?

Не нашла я никаких записей о том, что будет искаженцу за убийство или попытку убийства, когда он прибегнул к помощи своей силы для свершения преступления.

Ох, и напишу я королю письмецо! Уже знаю, что необходимо сказать монарху.

Также, начинаю думать, что Изабель не желала сводить счёты с жизнью. Слишком набожной была девушка и как истинная верующая, знала, что за подобное её ждёт царство Падшего Бога – Тинария.

Яростно сжимаю руки в кулаки.

Вот она правда!

– Ах ты, паразит! – вырывается у меня невольно. Яростно сжимаю руки в кулаки.

Чутьё подсказывает, что управляющий повинен в том, что Изабель умерла... будем говорить, чуть не умерла. Я ведь в её теле, а значит, жива. Но вот зуб потеряла.

Ещё сделаю открытыми вопрос, а граф и муж мой Астер Ретель-Бор случаем не по милости Зеррана пропал без вести?

Может, он внушил ему что-то?

Но тут память Изабель выдаёт, что граф Ретель-Бор – человек волевой, сильный духом и телом. И сам является обладателем магии. Это может значить, что Зерран мог, кому другому внушить, например, убить графа или похитить его... Ох, не знаю я... Столько мыслей сразу в голову лезет и подозрений.

Узнавая ближе этот мир благодаря книгам, понимаю, что доверять нужно людям осторожно и я всегда должна быть начеку.

Мой муж и граф Астер Ретель-Бор – человек редкого дара. Но почему-то память Изабель не выдаёт об этом никакой информации. Ощущение, что девушка и не знала, какой силой обладает её супруг.

Что ж, об этом можно легко узнать. Наверняка у мужа в кабинете хранятся какие-либо записи или письма... Можно что-то нарыть о его силе.

Так что же дальше.

А дальше я узнаю, что есть одарённые, когда люди могут общаться с животными, сливаться с ними сознаниями и видеть мир их глазами.

Классно! Я бы не отказалась от такой силы.

Потом узнаю, что есть и те, кто «слышит» море, а кто-то «землю». Правда, как они «слышат», не объясняется.

Есть и такой дар, когда человек крайне чутко ощущает грядущие события, если сделает тот или иной поступок. Называю про себя этих людей «интуитами». Но подробностей об этой силе очень мало.

А есть ещё люди, что обладают даром «иноного» голоса. Крайне редкий дар. Встречается реже искаженцов воли.

В книге одного мудреца сказано: «иной» голос в минуты горя и отчаяния даёт надежду, ободряет, успокаивает. Таким голосом человек может и ужасать, или же побуждать к делу нужному. И лишь от совести и души человека зависит: во зло ли будет действовать, либо во имя добра.

Я понимаю, что есть некая параллель между искаженцем воли и магом с «иным» голосом.

Также, есть важная и добрая новость для меня. Людей с «иным» голосом считают едва ли не посланниками Инмария! А это значит, моё известие королю и гильдии об открывшемся у меня даре должны встретить на ура!

Надеюсь на это.

Что ж, пора писать письмо королю и найти верного человека, что сможет отправить моё послание тайно и управляющий о нём не узнает.

Помоги мне, Инмарий.

* * *

Управляющий Зерран Лойский

Соскребаю с челюсти последние волоски и вымываю бритву в медном тазу. Затем насухо протираю её тряпицей, и бережно убираю в шкатулку.

Промокаю лицо, а затем, гляжу на своё отражение в блестящей металлической поверхности. Зеркало хоть и мутное, но дорогое, привезённое из самой столицы южного королевства.

Я люблю любоваться собой.

– Сегодня ты ещё лучше, чем вчера, Зерран! – говорю самому себе, улыбаюсь и с удовольствием провожу ладонью по гладкому подбородку.

У меня очень хороший подбородок – волевой. Признак силы, авторитета и мужественности.

Мне часто говорят, что это значимая часть моего образа. Верно, говорят, хотя и остальное во мне не хуже.

Поворачиваюсь вправо, затем влево – наслаждаюсь видом самого себя. Мало, у кого встретишь столь совершенные черты лица и тела.

Лишь благородный господин может быть таким великолепным. Простолюдины такими, как я, не рождаются. И силу, подобную мне, не имеют.

С неохотой отворачиваюсь от отражения своего и направляюсь в свой кабинет, по ходу, натягиваю алую рубашку.

Подхожу к столу, где стоит поднос с изысканным завтраком.

Хмыкаю про себя и усмехаюсь, когда вспоминаю о глупой графине. Она явно выжила из ума. Уже просит поваров готовить ей пищу хуже, чем для простолюдинов. То кроликов просит потушить, то похлёбку из овощей сварить.

Быть может, оно и лучше, что живой осталась. Легче будет безумие ей приписать и в монастырь справить, или же, замуж выдать за того, кто волю мою изъяслять станет. Ещё лучше, ежели, Его Величество меня выберет, и жениться на графине поручит. Заложил я подобную мысль в письмо своё.

Должен король принять верное решение. Должен.

Аппетит у меня сегодня совсем не тот. Возвращаю кусок мяса обратно на поднос и вытираю пальцы о скатерть, когда вдруг в дверь стучат.

– Войди, – разрешаю слуге.

Мой слуга с низким поклоном входит и протягивает запечатанные письма.

Срываю коричневую печать с нужного мне письма, разворачиваю пергамент.

«Благородный господин управляющий! Прискорбно сообщая вам, что отец графини Изабель Ретель-Бор на поправку идёт. Как целители говорят, нет больше опасности над здоровьем его. Все письма, отправленные графине отцом её, я отправляю вместе со своим письмом, благороднейший. Жду ваших дальнейших высокочеловеческих приказаний».

– Проклятье! – бормочу себе под нос и пергамент огню в камине предаю.

Письма для Изабель оставляю на своём столе. Открою и прочту их чуть позже.

Старик никак не желает с жизнью прощаться. Уже что не испробовал я: несчастный случай; и ядом травил его. Изабель так же жива. Эту семью словно сами помощники Инмария защищают!

* * *

Изабель Ретель-Бор

Ситуация немного мне ясна. Я понимаю, что медлить никак нельзя. Нужно срочно письмо писать королю. Письмо напишу, а отправить как – решу по ходу.

Можно мамушку попросить найти людей верных, или Омара привлечь... Нет-нет, нужны люди посерьёзней.

И доставить письмо надобно быстро.

Интересно, голубиная почта тут есть?

Память Изабель никак не откликается на мои вопросы. Скорее всего, именно в графстве Ретель-Бор нет.

Да и просто так письмо не напишешь. Нужно грамотно его составить, дабы король заинтересовался, а не отмахнулся с усмешкой и огню пергамент не предал.

Эмоций изложить поменьше, а больше по делу писать надо, да с фактами. И отсылки на законы необходимы, дабы понимало Его Величество, что образованная графиня ему пишет, а не глупая баба, у которой ума с пипетку.

Но ещё и сама форма письма нужна грамотная. Не могу же я написать просто:

«Здравия желаю, Ваше Величество! Это пишет вам графиня Ретель-Бор. Мы с вами незнакомы, но я как бы ваша подданная. Хочу, чтобы вы управляющего с должности сняли и проверили его на честность. Кажется мне, проворовался он. А ещё графство Ретель-Бор в моё единоличное пользование отдайте, да замуж меня не выдавайте (никогда). Всё вам ясно, морда королевская?»

Ну да, ну да, после такого послания, как бы меня саму проверять не начали. И даже слова сказать не успею из-за обилия кипящего масла во рту.

А форму письма к королю, думаю, могу найти в кабинете мужа. Уверена, что хоть раз да переписывался благоверный с монархом.

Сама Изабель ни черта не знала, как необходимо писать королю.

После завтрака собираюсь и, не откладывая важного дела, направляюсь в крыло замка, где находится опочивальня супруга, которая включает в себя и личный кабинет (не путать с кабинетом для приёмов и личным кабинетом управляющего, это отдельные помещения), и гостиную, личный нужник, и умывальню.

Мужа моего нет, а значит, его покои должны быть закрыты и никто меня там не побеспокоит. Спокойно пороюсь в документах и найду нужное.

Подхожу к покоям графа и что вижу?

Вовремя скрываюсь за углом и подглядываю.

Из опочивальни графа с важным видом выходит управляющий!

«Ах ты, собака!»

Зерран уходит, но возле покоев остаётся один стражник.

Закусываю губу и думаю.

Мне нужно попасть внутрь.

Этот упырь неспроста занял комнаты графа. Видимо, уже считает его мёртвым, а себя хозяином! Гад плешивый!

Астер наверняка все документы хранил в своём личном кабинете.

Хитроумность управляющего пробирает меня до самого нутра, и краска гнева расходится по моему лицу. Глаза у меня становятся тёмными, как зимняя ночь.

Выжидаю несколько минут за углом, успокаиваю свой гнев, а потом, как ни в чём не бывало, выхожу в коридор и останавливаюсь перед стражником, что перегораживает вход в опочивальню моего супруга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.